

- [Де Камп Лион Спрэг , Картер Лин](#)

-

- [notes](#)

-

Де Камп Лион Спрэг , Картер Лин

Ветры Аквилонии

Лин Картер и Л Спрэг де Камп.
Ветры Аквилонии
ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ КОЛДУНЯ.
1. БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ...

День близился к концу. Тяжелые тучи нависали над поляной измятым грязным одеялом, покрывшим собой все небо. Облачка тумана бродили между темными от сырости стволами деревьев подобно бесплотным призракам. Капли, то и дело срывавшиеся с крон, тяжело падали на землю, укрытую цветастым ковром опавшей листвы.

Раздался глухой стук копыт и поскрипывание кожи, - на окутанную сумерками поляну выехал огромный вороной жеребец, В седле сидел широкоплечий великан. Человек этот был уже не молод. Время украсило сединой его темную шевелюру и пышные грозные усы. Годы наложили отпечаток и на его лицо, изрезанное глубокими морщинами. Смуглое скуластое лицо и мускулистые руки всадника были покрыты бесчисленными шрамами, свидетельствовавшими о том, что жизнь его была не легкой, однако можно было с уверенностью сказать, что годы его не сломили он уверенно держался в седле, движения же его были точны и легки.

Всадник остановил своего взмыленного жеребца. Он стал оглядывать залитую туманом поляну, - его живые глаза поблескивали из-под широких полей выдавшей виды фетровой шляпы. Едва слышно он выругался.

Этого смуглолицего великана легко можно было принять за лесного разбойника, однако на головке рукояти его огромного меча красовался такой бриллиант, который мог принадлежать разве что знатному вельможе, рогу же, висевшему у него за спиной, и вовсе не было цены - он был вырезан из слоновой кости и украшен затейливой золотой филигранью. Всадником этим был сам король Аквилонии, - державы, равной которой не было на всем Западе. Звали его Конан.

Он пристально разглядывал следы конских копыт, что шли к центру поляны. Свет быстро мерк и читать их становилось все труднее.

Конан потянул за перевязь и, взяв в руки рог, хотел уже было затрубить в него, но тут вдруг услышал стук копыт. Из-за кустов, росших по опушке леса, выехала серая кобыла. Ее седоком был темноглазый человек средних лет с черными как смоль волосами. Судя по тому, как всадник поприветствовал короля, можно было понять, что они хорошо знакомы.

Что же касается Конана, то он, едва заслышав стук копыт, тут же схватился за меч, - хотя он и понимал, что в этом огромном мрачном лесу, лежавшем к северо-востоку от Танасула, ему бояться нечего, бдительности он не терял. Увидев перед собой одного из старейших своих товарищей, Конан позволил себе слегка расслабиться. Подъехавший к нему человек заговорил:

- Сэр, я осмотрел всю тропу - похоже, принц назад не возвращался. Но разве возможно, чтобы этот парень так и шел по следу белого оленя?

- Боюсь, что так оно и есть, - проворчал Конан. - Чего-чего, а упрямства этому мальчишке не занимать, - у него характер в отца. Ох и не сладко ему ночью придется, - того и гляди снова этот проклятый Дождь пойдет!

Просперо, пуантенский генерал армии Конана, изобразил на лице некое подобие улыбки. Этот огромный киммериец то ли случайно, то ли благодаря воле судьбы или прихоти своего северного бога смог взойти на престол Аквилонии, величайшего королевства Запада; однако оставался он все тем же варваром примитивным и своенравным. Сын его, - пропавший принц

Коня, - рос таким же, как и отец. Мальчик походил на него не только внешне, - как и у отца единственной его страстью были приключения.

- Может быть, созвать людей, сэр? - спросил

Просперо. - Негоже оставлять наследника трона в лесу. Мы рассредоточимся и затрубим в рога.

Конан стая покусывать ус. Пред ними расстилались темные леса восточного Гандерланда. Мрачная эта чащоба мало кому была ведома. Король посмотрел на небо, - судя до всему, дождь вот-вот должен был войти "новью".

- Этого делать как раз не стоит. Будем считать, что это будет для него хорошим уроком. Подумаешь, - раз он не поспит! В его возрасте я не одну ночь провел под открытым небом на киммерийских пустошах. Возвращаемся в лагерь! Олень от нас ушел, но, думаю, нам хватит и медведя. Ну а жаркое мы запьем добрым старым пуантенским. Ух, - как я проголодался!

Насытившись и изрядно захмелев, Конан решил прилечь у костра. Рядом храпел верзила Гийом, барон Имира, закутавшийся в шкуры. Загонщики и придворные, утомившись за день, спали мертвецким сном. У костра сидело лишь несколько человек.

Облака стали расходиться, на небе показался холодный лунный диск. Тут же подул пронизывающий ветер, срывающий с деревьев последние листья.

Вино развязало королю язык, - весь вечер он сыпал невероятными историями и анекдотами из своей богатой приключеньями жизни. И все же Просперо заметил, что время от времени Конан замолкает, всматриваясь во мгlistую даль и напряженно прислушиваясь. Несмотря на кажущуюся его веселость, король был чрезвычайно встревожен. Говорить киммериец мог что угодно, но не волноваться он конечно не мог, - еще бы, - ведь его сыну принцу Конну исполнилось всего двенадцать лет.

Просперо показалось, что короля мучают угрызения совести, - такое с этим диким, поварварски примитивным киммерийцем случалось не часто. Идея путешествия в северный Гандерланд принадлежала Конану. Его супруга королева Зенобия тяжело болела, - рождение третьего ребенка далось ей с трудом. Вот уже несколько месяцев Конан ухаживал за вей, боясь покинуть больную хотя бы на минуту. Сын же его, чувствуя себя покинутым всеми, становился все угрюмее и замкнутее. Теперь, когда к Зенобии стали возвращаться прежние ее силы, а Смерть отступилась от дворца, Конан решил провести пару недель вместе с сыном, надеясь восстановить так прежние отношения.

Сейчас этот упрямый мальчишка, для которого эта охота была первой, скачет по мрачной дикой чащобе, преследуя неуловимого белоснежного оленя...

Небо совершенно очистилось. Ветер, завывая, раскачивал темные ветви деревьев и шелестел листвою. Конан вновь прервал свой рассказ о колдунах и пиратах и стал прислушиваться. Грозный Гандерланд даже в ту беспокойную эпоху считался местом далеко не безопасным. Бизоны и зубры, кабаны, медведи и волки бродили по его тропам. Были здесь и иные враги, - враги куда более коварные и опасные, - люди. В лесных чащах скрывались от закона разбойники, воры и изменники.

Выбравшись, король поднялся на ноги и швырнул черную мантию, наброшенную ему на плечи, на свое ложе.

- Можете считать меня кем угодно, - проревел Конан, - но больше так сидеть я не могу. Зовите меня стигийцем, если я собьюсь со следа! Фулк! Седлай гнедого Имира, - вороного я загнал. Теперь вы, - хлебните вина напоследок и седлайте своих коней. Сэр Валенс! В третьем фургоне лежат факела. Возьмите по факелу и отправляйтесь за мною вслед! Пока я не удостоверюсь в том, что мой сын в безопасности, спать я не лягу!

Покачиваясь в седле, Конан ворчал: "Этот глупый мальчишка погнался за таким оленем, за

которым никакой скакун не угонится! Ну ничего, - я еще научу его уму-разуму!"

На мгновенье лик луны затмился, - по небу беззвучно проплыла огромная белоснежная сова. Конан вздрогнул и зло выругался. Его душа терзалась мрачными предчувствиями. Люди, ехавшие вслед за ним, рассказывали друг другу странные истории о белоснежном олене-оборотне, что был стремителен словно ветер с севера. Конан молил Крома о том, чтобы это животное было обычным оленем, а не каким-то таинственным существом, явившимся сюда из других пространств и времен...

2. ЛЮДИ БЕЗ ЛИЦ...

Юный Конн промок насквозь и продрог. На внутренней стороне бедер, там, где они касались жесткого седла, появились кровавые волдыри. Принц чувствовал, как им овладевает голод и усталость. Самым же ужасным было то, что он совершенно сбился с пути.

Белый олень парил перед ним призрачной птицей. Уже не раз животное подпускало его к себе на расстояние полета стрелы. Порой Конном овладевала рассудительность, и тогда он был готов повернуть обратно, однако тут же ему начинало казаться, что олень уже выбился из сил, что еще немного, и он,

Конн, нагонит его.

Мальчик потянул за поводья, и взмыленный пони послушно остановился посередине густых зарослей кустарника. Над головой его поскрипывали ветви и шепталась все еще густая листва, совершенно скрывавшая от него и луну, и звезды. Теперь он не понимал ни того, где он находится, ни того, в каком направлении ведет его белый олень. Мальчик поежился. Он хорошо знал характер своего отца и понимал, что его ждет порка. Смягчить гнев Конана можно было лишь бросив к его ногам шкуру оленя.

Забыв об усталости и голоде, Конн вновь исполнился решимостью. В эту минуту он удивительно походил на своего отца, - тот же пронзительный взгляд голубых глаз, та же копна черных волос, те же мощь и отвага. Конну было всего двенадцать, но он был уже выше многих взрослых аквилонцев.

- Вперед, Мардук! - воскликнул он, ударив пятками в бока своему черному пони. С трудом продравшись сквозь густые заросли, конь и всадник оказались на длинной поляне, поросшей высокими травами. Стоило им выехать на открытое место, как Конн вновь увидел вдали светлое пятно. Огромный белый олень грациозно, словно паря, пересекал прогалину. Сердце мальчика забилось чаще, им вновь овладел охотничий азарт. Кованные копыта забарабанили по земле, покрытой шуршащими травами. Олень, легко перемахивая через стволы поваленных деревьев, понесся к краю поляны.

Пригнувшись в седле, Конн сжал в руке легкое копьё. Деревья стояли за поляной сплошной стеной, - олень должен был либо замедлить шаг, либо запутаться в густых зарослях.

В следующее мгновенье, когда мальчик уже был готов метнуть копьё, это и произошло. Олень замер и обратился в туманное облако, тут же превратившееся в высокую человеческую фигуру, закутанную в белые одеяния. Это была женщина; серо-стальные волосы обрамляли ее худое, бесстрастное лицо.

Конна охватил ужас. Пони, храпя и бешено вращая глазами, попятился назад. Конн испуганно смотрел в холодные зеленые глаза стоявшей перед ним женщины.

Все звуки смолкли. Конн стал слышать удары собственного сердца; руки его задрожали, во рту пересохло. Почему он так испугался? Как этот призрак мог испугать его, сына Конана-Завоевателя?

Собрав волю в кулак, мальчик крепко сжал древко копья. Сын Конана не боится этой женщины, кем бы она ни была - ведьмой, призраком или оборотнем!

В зеленых глазах, пристально глядевших на него, засверкали холодные искорки, - женщина

смотрела на него с явной иронией. Она медленно подняла свою худую руку. Тут же в кустах раздался треск.

Мальчик обернулся и увидел, что на поляну со всех сторон выходят люди.

Все они были необычайно высоки и страшно худы, - худы настолько, что походили скорее не на живых людей, а на ожившие мумии. Они были едва ли выше великана Конана, - рост некоторых превышал семь футов. С головы до пят эти люди были закутаны в черные одеянья, плотно, словно перчатки, облегавшие их тела. Черной тканью были прикрыты и их головы. Своими тонкими длинными пальцами они сжимали странные орудья, походившие на жезлы длиной фута в два, выточенные из черного дерева. На конце каждого жезла поблескивала небольшая - с куриное яйцо - сфера, изготовленная из какого-то непонятного серебристого металла.

Конн попытался рассмотреть их лица и ужаснулся. У этих людей лиц не было! Под черными накидками светились пустые белые овалы.

Убеги мальчик с поляны, его вряд ли стали бы упрекать в трусости. Однако он и не думал бежать. Ему было всего двенадцать, но он происходил из рода могучих воинов и отважных жен, - ни один из его предков не дрогнул пред лицом опасности, и потому не имел на это права и он. Предкам его доводилось встречаться лицом к лицу с гигантскими медведями, ужасными снежными драконами Фиглофийских гор и саблезубыми пещерными тиграми. Утопая по колено в снегу, они сражались с этими адскими созданными под темными небесами Севера. В час опасности в мальчике проснулась память рода.

Женщина обратилась к нему по-аквилонски. Говорила она с сильным акцентом.

- Сдавайся, мальчик!

- Ни за что! - прокричал ей в ответ Конн. Издав боевой клич киммерийцев, он взял копье наперевес и, пришпорив своего коня, понесся на одну из безликих черных фигур.

Старое лицо женщины в белом оставалось бесстрастным. Не успел еще пони как следует набрать скорость, как острая боль пронзила руку Конна. Он охнул, согнувшись от боли. Копье выпало из его онемевших пальцев и исчезло среди высоких трав.

Один из черных великанов тут же приблизился к нему. Одной рукой он схватил пони за поводья, другой - завел над Конном жезл. Металлический шар легко коснулся локтя мальчика, попав точно в нервный узел. Конн едва не закричал от боли.

Черный человек занес жезл для нового удара, но тут же женщина прокричала ему что-то на неведомом языке. У нее был резкий металлический голос. Безликий человек в черном опустил руку.

Но Конн и не думал сдаваться. Громко закричав, он схватился левой рукой за рукоять висевшего у него на поясе меча. Неловким движением он вынул меч из ножен и перевернул его клинком вверх. Люди в черных плащах окружали его со всех сторон; к нему тянулись их тонкие руки.

Сделав обманное движение, Конн нанес удар человеку, стоявшему к нему ближе других. Клинок вонзился прямо ему в горло. Захлебываясь кровью, человек упал на колени и тут же повалился наземь.

Конн вонзил шпоры в бока пони. Тот, громко заржав, попятился было назад, испугавшись вида надвигавшихся на него безликих людей, но уже через миг, справившись со страхом, рванулся вперед. Люди в черном легко уходили от его подкованных сталью копыт. Один из них поднял свой жезл. Металлический шар с немыслимой точностью поразил кисть Конна. Меч выпал из его разжавшихся пальцев и исчез в траве. Другой металлический шар легко коснулся затылка мальчика. Тело его тут же онемело, и он свалился с седла прямо в тонкие иссохшие руки одного из безлицых людей. Прочие принялись умирять его коня.

Зеленоглазая женщина склонилась над впавшим в забытие мальчиком.

- Конн, наследный принц Аквилонии, - скрипучим голосом пробормотала она и усмехалась.

- Представляю, как будет радоваться Тот-Амон.

3. КРОВАВЫЕ РУНЫ

Ссутулившись в седле, Конан угрюмо утолял голод куском холодной медвежатины. К нему подъехал Эрик, но главный загонщик.

Король выпрямил спину, выплюнул кость и, отерев губы тыльной стороной руки, мрачно спросил: "Что-нибудь нашел?" Старый загонщик молча кивнул и протянул Конану странный предмет.

- Вот это, - сказал он.

Нахмутив брови, Конан стал рассматривать диковинную вещицу. Это была вырезанная из слоновой кости маска, принадлежавшая человеку с вытянутым узким лицом. Станным было то, что эта маска была совершенно гладкой, - ровный пустой овал с двумя вырезами для глаз. Вид ее Конану не понравился.

- Гиперборейские штучки, - сплюнул он. - Еще что-нибудь есть?

Старый охотник кивнул.

- Кровь на измятой траве, следы копыт молодого пони и - это.

Огоньки, блиставшие в глазах Конана, померкли; лицо посерьезнело и осунулось. Это был меч, подаренный им Конну в день его двенадцатилетия. На серебряной рукояти была выгравирована корона принца Аквилонии.

- Это все?

- Собаки ищут след, Ваше Величество, - ответил Эрик.

- Как только они нападут на него, труби в рог и собирай людей! - проревел Конан.

Солнце стояло уже высоко; от сырой земли поднимался пар. Король Аквилонии поежился, почувствовав вдруг хладное дыхание смерти.

Прошел целый час, прежде чем они смогли отыскать труп. Тело было захоронено на дне овражка, - она было присыпано сырой землей и опавшей листвой так искусно, что отыскать могилу могли разве что собаки.

Конан съехал на дно овражка и стал разглядывать труп. С тела были сняты все одеяния; кожа погибшего была бела, словно пергамент, волосы его тоже были поразительно светлыми. Рост этого тощего изможденного человека с перерезанным горлом был чуть меньше семи футов.

Эрик склонился над перепачканным грязью телом и стал принюхиваться. Сняв с раны кусочек запекшейся крови, он принялся растирать ее между пальцами.

Конан угрюмо ждал. Наконец старик тяжело поднялся на ноги и вытер кончики пальцев о полу плаща.

- Его убили прошлой ночью, мой господин, - сказал он.

Конан еще раз взглянул на лицо убитого - узкий подбородок, высокие скулы, тонкие черты. Вне всяких сомнений, перед ним лежал гипербореец - об этом говорили и его неестественная бледность, и хрупкое телосложение при чудовищном росте, и бесцветные шелковистые волосы. На Конана смотрели мертвые, зеленые, словно у кошки, глаза.

- Отпускай собак, Эрлик. Просперо! Предупреди людей о том, что враги могут появиться в любую минуту! Нас, похоже, ведут.

Пуантенский генерал и король поскакали бок о бок. Вежливо откашлявшись, генерал спросил:

- Вы считаете, что маска и меч были оставлены для нас, мой повелитель?

- Я в этом уверен, - буркнул Конан. - Я это нутром чую. Где-то там скрывается целая банда этих белых демонов, похитивших моего мальчика. Они ведут нас, словно скот, разрази их гром!

- Они хотят устроить нам засаду? - спросил Просперо. Конан на мгновение задумался и отрицательно покачал головой.

- Не думаю, В течение последнего часа мы миновали три таких места, лучше которых для засады не придумать. Нет, - они явно хотят чего-то другого. Возможно, где-то впереди нас ждет их послание.

Просперо не стал спорить с этим.

- Возможно, они хотят получить выкуп?

- Может статься, они захотят использовать принца как приманку, - ответил Конан, блеснув глазами, словно лютей зверь. - Как-то раз я попал в плен к гиперборейцам. Там я такого натерпелся, что до сих пор к этим костлявым демонам особой любви не питаю. Когда же их гостеприимство меня вконец утомило, я ответил им тем же, - так что, думаю, и у них ко мне особой приязни нет!

- А что означает эта маска из слоновой кости? Конан сплюнул и приложился к фляге с вином.

- Гиперборея - место темное. Этой мертвой, голой, объятый туманами землей правит страх. Страною управляют служители тайного культа - черные колдуны-убийцы. Их единственное оружие - деревянные прутья, на конце которых закреплены шары, выточенные из необычного металла, называемого платиной. Старуха, которую колдуны считают воплощением богини смерти, правит всеми их землями, она же является и их главной жрицей. Ее слуги-убийцы заняты постоянным самоистязанием - они умерщвляют свое тело, разум и волю. Маски, подобные той, которую ты видел, - одно из проявлений их фанатизма. Нет в мире воинов страшнее этих, - слепая вера в демонов делает их бесстрашными и нечувствительными к боли.

Дальше они ехали молча. И тому, и другому представилась страшная картина беззащитный мальчик, окруженный фанатичными служителями смерти, люто ненавидящими Конана.

Лес становился все реже - на смену мрачным чащам восточного Гандерланда пришли меловые пустоши, поросшие вереском и папоротником. Они приближались к границе владений Конана. Где-то здесь сходились земли Аквилонии, Киммерии, Пограничного Королевства и Немедии.

Похолодало. Небо стало затягиваться тучами. Багряный вереск волновался и шумел на ветру. Издалека слышался хриплый крик болотных птиц. Земля эта была пустынна и уныла.

Конан скакал впереди. Внезапно он остановил своего коня и знаком приказал остановиться другим. Не сходя с коня, он угрюмо смотрел на предмет, лежавший на тропе. Воины спешили и подошли к своему королю.

Перед ними лежало легкое, сделанное из ивняка копьё, которое могло принадлежать разве что ребенку. На древко был одет белый пергаментный свиток.

Эрик снял пергамент с древка и подал его своему королю, что так и сидел в седле. Конан развернул тугой скрипучий свиток.

Послание было написано по-аквилонски; писавший его, судя по всему, торопился - руны были написаны небрежно и разобрать их было весьма непросто. Нахмутив брови, Конан молча прочел послание передал его Просперо, зачитавшему его вслух.

"КОРОЛЬ ДОЛЖЕН В ОДИНОЧКУ НАПРАВИТЬСЯ В ПОХИОЛУ. ЕСЛИ ОН ВЫПОЛНИТ ЭТО УСЛОВИЕ, С СЫНОМ ЕГО НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ. ЕСЛИ ОН ПОСТУПИТ ИНАЧЕ. РЕБЕНОК ЕГО УМРЕТ СТРАШНОЙ СМЕРТЬЮ. КОРОЛЬ ДОЛЖЕН ИДТИ ПО ТРОПЕ, ПОМЕЧЕННОЙ БЕЛОЙ РУКОЙ."

Просперо поморщился - послание было написано кровью.

4. БЕЛАЯ РУКА

Конан в одиночку направился к пустынным землям, лежавшим за пределами Аквилонии.

Если бы он вернулся в Танасул и, собрав войско, повел его на туманную Гиперборею, он потерял бы сына. Ему не оставалось ничего другого, как только выполнять поставленные ему условия.

Король передал Просперо огромный золотой перстень с печатью, который он носил на большом пальце правой руки. Тем самым на время своего отсутствия он передавал пуантенскому генералу всю полноту власти в Аквилонии. В случае смерти Конана королем аквилонцев должен был стать второй его сын, регентами которого были бы королева Зенобия и генерал Просперо.

Конан объяснил все это Просперо, глядя ему в глаза, - он не сомневался в том, что этот доблестный воин в точности выполнит все сказанное. Но сказал он ему не только это. Собрав в Танасуле армию из рекрутов, Просперо должен был повести ее на столицу Гипербореи Похиолу.

Конану просто-напросто хотелось как-то занять Просперо. Он прекрасно понимал, что никакая армия не сможет ни нагнать его, ни пройти там, где пройдет он, Конан. Он окажется в сверкающих стенах Похиолы много раньше Просперо.

Эти земли назывались Пограничным Королевством. Пустынные безжизненные пустоши тянулись до самого горизонта. То тут, то там росли чахлые кривые деревца. Время от времени из заросших болот вылетали напуганные внезапным шумом птицы. Холодный, пронизывающий до костей ветер пел свою заунывную песнь.

Кован спешно, однако оставался внимательным и осторожным. Своего чалого жеребца Имира он загнал прошедшей ночью; теперь под ним был крупный серый жеребец барона Гийома Имирского. Барон был так толст, что весом почти не уступал Конану. Скакун его был могуч и широк в кости. Киммериец не стал брать с собой громоздкую охотничью амуницию, он одел на себя простой кожаный камзол и промасленную кольчугу. Меч он повесил за спину, так чтобы он не сковывал его в движениях; на передней луке седла он закрепил тугой гирканский лук и колчан со стрелами с черным опереньем.

Вначале почва была мягкой, и потому следы коней гиперборейцев были видны на ней ясно. Конан пустил коня галопом, надеясь хоть как-то выиграть время. Кто знает, - быть может его суровый бог Кром смилостивится над ним и позволит ему догнать бледнолицых похитителей еще до того, как они вступят в Похиолу. Впрочем, Конан на это почти не надеялся...

Теперь под копытами коня были уже камни, но и здесь он вряд ли мог сбиться со следа - похитители оставили для него меты - отпечатки ладони, белевшие среди темных деревьев. Порою знак ставился на вершинах покрытых сухими травами холмиков, и тогда он казался морозным узором невесть откуда налетевшей стужи.

Колдовство! Волосы на затылке киммерийца поднялись дыбом. На его родине, в Киммерии, что лежала к северо-западу отсюда, люди слышали о Белой Руке, страшном символе колдунов Гипербореи. От одной мысли о том, что его сын попал в руки гиперборейцев, Конану становилось страшно.

Он все скакал и скакал вперед по унылой пустоши, мимо темных холодных болот, чахлых папоротников и жалких деревьев, не давая ни минуты отдыха ни себе, ни коню. Пустошь стала погружаться во тьму. На небе появились звезды, их было немного, и свет их был тускл, ибо все небо было затянуто дымкой. Луна на минуту вышла из-за облаков, но тут же скрылась вновь. Мир погрузился во тьму.

Теперь Конан должен был ждать рассвета. Кряхтя, киммериец спешил, - все члены его ныли. Накормив овсом скакуна, он развел небольшой костер из сухих папоротников и, положив под голову седло, забылся тяжелым сном.

Вот уже три дня он скакал по этим неприятным землям. Путь шел по самому краю Большой Соленой Топи. Это огромное болото вполне могло быть останками внутреннего моря, некогда - еще на заре цивилизации - заливавшего все окрестные земли. Почва под ногами становилась все более зыбкой, - чем глубже в земли Пограничного Королевства продвигался

Конан, тем ненадежнее становился его путь. Тяжелый серый жеребец шел теперь шагом, боязливо переходя с кочки на кочку. Луж становилось все больше, деревья же совершенно исчезли.

Над болотом повисли сумерки. Жеребец нервно шарахался из стороны в сторону, то и дело увязая копытами в болотной жиже. Над головой слышался писк летучих мышей. Огромная змея, толщиной в человеческую руку, бесшумно переползла через гнилое, покрытое плесенью бревно и скрылась в темноте. Тьма становилась все гуще и гуще, но Конан и не думал останавливаться, - он вновь хотел провести всю ночь в пути, сделав краткий привал лишь в полдень.

Тропинка раздваивалась. Не сходя с коня, Конан стал искать мету. На темном, отполированном непрерывными дождями камне он вновь увидел странный светящийся отпечаток руки. Он потянул за поводья и направил коня нужной дорогой.

Внезапно неведь откуда появились люди. На их грязных изможденных телах не было никаких одежд, кроме набедренных повязок. Лица их были искажены злобой.

Конан грозно заревел и, пустив коня вскачь, вынул меч из ножен.

Дикари обступали его уже со всех сторон, они цеплялись за стремяна и за ноги, хватали его за кольчугу, дергали коня за гриву, пытаясь свалить его с ног. Конь поднялся на дыбы и замахал своими огромными копытами. Одному из дикарей он проломил череп, другому размозжил плечо.

Клинок Конана со свистом опустился на головы нападавших. В одно мгновение он обезглавил пятерых, в черепе же шестого его меч застрял. Тело дикаря, падая, увлекло за собой и клинок. Конан спрыгнул с коня и тут же оказался окруженный дикарями. Их безумные глаза горели ненавистью, их пальцы хищно впивались в его руки. Дикая толпа погребла его под собою, и в тот же миг на голову Конана опустилась тяжелая дубина. Конан рухнул как подкошенный.

5. ПРИЗРАК ПРОШЛОГО

Теперь они шли по мощенной камнем дороге. Впереди замаячил объятый туманной дымкой холм. Утомленный долгой дорогой Конн видел его смутно.

Вершину холма венчал огромный замок, сложенный из гигантских каменных плит; в тусклом свете звезд он казался призрачным. По углам замка стояли массивные башни. К его мрачному portalу отряд и направлялся. Тяжелая решетка, закрывавшая вход в замок, стала медленно подниматься. Мальчик едва смог скрыть свой испуг, - заканчивавшаяся страшными зубьями ржавая решетка и тьма, разверзшаяся за ней, делали врата похожими на ослабленную пасть огромного чудовища.

Они въехали в гигантскую залу, слабо освещенную развешанными по стенам факелами. Решетка, зловеще лязгнув, опустилась, - пасть захлопнулась.

Холодные белые руки сняли мальчика с коня и бросили его в угол. Чувствуя спиной сырую стену, Конн стал осматриваться. Вскоре глаза его привыкли к полумраку, и он смог рассмотреть этот огромный гулкий зал. Похоже, других покоев в замке не было. Своды залы терялись где-то высоко вверху. Возле стены стояли - длинный стол, пара грубых скамеек и несколько стульев. На столе было пять или шесть деревянных тарелок, наполненных объедками, и пара ломтей непропеченного черного хлеба. Только теперь мальчик почувствовал, как он голоден. Словно услышав его мысли, старуха что-то приказала своим людям. Один из них взял тарелку со стола и поставил ее перед Конном.

Руки его занемели, ибо все это время были привязаны к луке седла. Человек в черном снял ремни с запястий мальчика и тут же стянул его шею цепью, привязанной к ржавому кольцу, закрепленному на стене. Человек безмолвно наблюдал за тем, как Конн давится объедками.

Колдун снял свою белую маску, открыв мальчику свое лицо. Бледное изможденное лицо

несло на себе печать нечеловеческой безмятежности. Конну не понравились ни его тонкие бесцветные губы, ни его холодные зеленые глаза. Впрочем, сейчас ему было не до похитителей - слишком уж велики были его усталость и голод. К нему подошел еще один человек, державший в руках грязную дерюгу. Он бросил дерюгу на пол, после чего оба колдуна удалились. Конн подгрел под себя грязную солому, которой были застелены полы залы, и, завернувшись в тряпье, тут же уснул.

Его разбудил звук колокола. Свет солнца не проникал в это чудовищное сооружение, и потому о времени суток можно было лишь гадать.

Конн протер глаза и стал смотреть по сторонам. В центре залы на невысоком каменном возвышении, скрестив ноги, сидела ведьма. Перед ней стояла огромная медная чаша, наполненная раскаленными угольями, отсвечивающими на ее лице кроваво-красными отблесками.

Конн принялся рассматривать ее. Ведьма была старей. Седые пряди падали на ее изрезанное густой сеткой морщин лицо, что казалось не только бесчувственным, но и безжизненным. Однако изумрудные глаза ее были исполнены удивительной силы, - огненный их взгляд был устремлен в никуда.

Сидевший рядом с возвышением человек в черном ударял обшитой войлоком колотушкой по небольшому колоколу, имевшему форму черепа. Глухому его звону вторило мрачное эхо.

Один за другим в залу стали входить Колдуны. Лица их были скрыты масками из слоновой кости, головы прикрыты черными капюшонами мантий. Один из Колдунов вел перед собой наглого лохматого человека. Конн вспомнил, что человек этот был пленен слугами смерти несколькими днями раньше, - его поймали на болоте. Ему на шею набросили петлю, и он то бежал, боясь отстать от коня, то падал, и тогда конь тащил его за собой. Изуродованное тело пленника было покрыто грязью. Широко раскрыв рот, он испуганно озирался по сторонам.

Началось ужасное действо. Два Колдуна, став на колени, обвязали ноги пленника ремнем, спускавшимся с балки. Они потянули за свободный конец ремня, и вскоре человек уже висел вниз головой над чашей с угольями. Зала наполнилась истошным кряжом.

И тогда они перерезали своей жертве горло.

Пленник забился в агонии, но уже через несколько мгновений испустил дух. Глаза Конна округлились от ужаса. Кровь стекала прямо на уголья, от которых поднимался невероятный зловонный чад.

Все это время ведьма оставалась совершенно недвижимой. Присмотревшись получше, Конн увидел, что она слегка покачивается в такт какой-то слышной лишь ей одной мелодии. Люди в черном застыли вокруг возвышения. Угли шипели и потрескивали. Кровь текла в чашу нескончаемым потоком. Теперь ведьма пела уже вслух под монотонные удары колокола. Конн потрясено наблюдал за происходящим.

Облако дыма, повисшее над каменным крутом, стало странно подергиваться, казалось, что его касается некая незримая рука. И тут лицо мальчика стало бледным как смерть.

- Кром! - прошептал он дрожащими губами.

Облако дыма приняло форму человека - статного широкоплечего человека, одетого по-восточному; капюшон его мантии был откинут на спину. Голова человека была обрита наголо, лицо было мрачным и хищным.

Видение это было страшно. Ведьма же продолжала свою монотонную песнь, походившую на завыванье холодного ветра.

Туманный образ стал уплотняться: мантия стала темно-зеленой, лицо красновато-коричневым, как у стигийцев и жителей Шема. Застыв от ужаса, мальчик взгляделся в лицо призрака. Ему казалось, что он когда-то уже видел его или, по крайней мере, слышал о нем - эти

хищные черты, этот беззубый рот, эти горящие изумрудным светом глаза...

Тонкие губы задвигались и раздался странный, словно слетавший откуда-то издалека голос.

- Приветствую тебя, о Лахи! - сказал призрак. В ответ ему ведьма сказала:

- Приветствую тебя, Тот-Амон!

Конн окаменел, - теперь он знал, что пленили его не обычные похитители. Он попал в лапы к самому страшному и коварному врагу своего рода, - в лапы предводителя черных магов мира, стигийского колдуна, некогда поклявшегося именем своих страшных богов погубить Коннана-Киммерийца и стереть с лица земли Аквилонии.

6. ЗА ВРАТАМИ СМЕРТИ

Конан пришел в себя перед рассветом. Голова его раскалывалась от боли, лицо было покрыто коркой запекшейся крови. И все же он был жив.

Болотных дикарей рядом с ним не было. Они исчезли в ночи, прихватив с собой и награбленное, и трупы своих людей. Постанывая, Конан сел и обхватил голову руками. Его обобрали донага, оставив на нем лишь башмаки да изорванные в клочья одежды. Теперь у него не было ни коня, ни оружия, ни провизии. Неужели болотные люди решили, что он мертв? Судя по всему, так оно и было, такими ударами можно было свалить и быка, - если бы не толстая кость, Конан отправился бы к праотцам.

В народе ходили легенды о том, что эти дикари были выродившимися потомками беглых рабов и преступников, искавших прибежища на болоте. Кровосмесительные браки низвели их до уровня диких зверей. Удивительным было то, что дикари не сожрали его, - люди, дошедшие до животного состояния, как правило, питают особенную приязнь к человеческой плоти. Конан поднялся на ноги и только тогда понял, что же отпугнуло дикарей.

На измятой грязной траве отчетливо виднелся знак Белой Руки.

Ему не оставалось ничего другого, как только идти пешком. Обратив одну из ветвей росшего неподалеку дерева в увесистую дубину, Конан продолжил свой путь на северо-восток, следуя по тропе, отмеченной знаками.

Он вырос в суровом краю и потому к подобным походам ему было не привыкать. Много воды утекло с той поры; много лет ему, королю гордой Аквилонии, не приходилось ни ходить по следу, ни скитаться в диких землях, где каждый шаг сопряжен с опасностью. Теперь он был только рад тому, что старые привычки нисколько не забылись. Отодрав от прикрывавших его тело лохмотьев узкую полоску, он сделал из нее пращу и несколькими меткими бросками подбил пару уток. При всем желании он не мог развести на болоте огня и потому ему пришлось есть их сырыми. Ему пришлось отбиваться и от свирепой своры диких псов, и дубина его для этой цели пришлась весьма кстати. Порой ему приходилось довольствоваться лягушками и раками, которых он нанизывал на заостренную палочку. Тропа же шла все дальше и дальше на северо-восток.

Ему казалось, что прошла уже целая вечность, когда, наконец, он достиг пределов Пограничного Королевства. Граница Гипербореи была помечена странным изваянием, призванным вселять страх в сердца людей. Гряды мрачных холмов поднимались все выше и выше. Извилистая тропинка привела киммерийца к узкому перевалу, по обеим сторонам которого, словно угрюмые стражи, стояли округлые вершины. Склон одной из них был отмечен диковинным знаком грязно-белого цвета, что тут же бросался в глаза. Конан подошел к нему поближе и, скрестив на груди свои могущие руки, стал рассматривать его.

Это был череп, формой своей схожий с человеческим черепом, но только куда больших размеров. Конану стало не по себе, - ему вспомнились сказанья о великанах и троллях. Прищурился, киммериец присмотрелся получше и тут же губы его искривились в улыбке. За долгие годы странствий ему многое довелось повидать, видел он и подобные черепа. Они

принадлежали древним мамонтам, видом походившим на слонов. Если бы не бивни, то черепа эти действительно можно было бы принять за останки великанов. У этого же черепа бивни были просто-напросто отпилены. Конан сплюнул. Как ни странно, но увиденное приободрило его, - тот, кто прибегает к уловкам, не может быть всемогущим.

На лбу мамонта была сделана надпись, - уродливые руны явно имели гиперборейское происхождение. Волею судеб Конану пришлось освоить множество языков, пусть при этом познания его и были поверхностными. Нахмутив чело и собравшись с мыслями, он прочел: "Врата Гипербореи

Врата Смерти для незваного гостя".

Презрительно хмыкнув, Конан спустился с перевала. Теперь он шел по вражьиим землям.

Стоило Конану миновать Ворота Смерти, как он оказался на пустынной, полого уходящей вниз равнине, по сторонам которой высилось несколько голых холмов. Теперь под ногами его было каменное крошево. Ничуть не сбавляя шага, Конан вступил в холодное царство тумана, стараясь постоянно быть настороже. Однако земля эта казалась совершенно необитаемой.

Немногие жили в этой студеной стране, где солнце не греет, а сердцами владеет страх. Правители Гипербореи селились в огромных замках, сложенных из гигантских каменных плит, слуги же - в жалких лачугах, тесно обступавших скудные поля.

Конан знал о том, что огромные серые волки Севера бродят по этим землям, что в пещерах здешних живут свирепые пещерные медведи, а по залитым туманом равнинам бродят редкие мамонты, северные олени и овцебыки. Земли эти были негостеприимны и суровы.

Вскоре Конан оказался у первой из каменных цитаделей, что называлась именем Сигтона. В Асгарде он не раз слышал рассказы о свирепой властительнице Сигтоны, что питалась по слухам только человеческой кровью. Стараясь не подходить к замку, он направился дальше, к цитадели, носившей имя Похиола.

Путь ему предстоял неблизкий. Много дней и ночей прошло, прежде чем Конан увидел в свете звезд холм, вершина которого была увенчана мрачным замком с массивными приземистыми башнями. Полуголый, голодный, грязный и безоружный, упрямый киммериец смотрел на Твердыню Колдунов с огнем во взоре. Где-то здесь находится его старший сын. Кто знает, быть может, именно здесь ему, Конану, суждено сложить свою голову. Но бороться со Смертью ему было не впервой и пока, хвала Крому, ему удавалось выходить победителем.

Гордо подняв голову, Конан подошел к мрачным воротам Похиолы.

7. ВЕДЬМА

Железные зубья решетки застыли высоко вверху. Сколоченные из черного дерева массивные ворота поблескивали шляпками железных гвоздей, что сливались в некую магическую руну, неведомую Конану. Ворота были распахнуты настежь.

Конан вошел внутрь, мрачно отметив про себя, что толщина здешних стен никак не меньше двадцати шагов. Он оказался в главной зале огромного замка. Кроме старухи с гладкими седыми волосами, здесь никого не было. Она сидела на круглом каменном возвышении, созерцая чашу с горящими угольями. Киммериец знал, что это Лахи, королева и главная жрица Колдунов, считавших ее живым воплощением их богини смерти. Громко ступая по каменным плитам пола, Конан достиг центра залы и, скрестив на груди руки, остановился рядом с возвышением.

Ведьма продолжала созерцать тлеющие уголья. Лишь через минуту она перевела взгляд своих зеленых кошачьих глаз на Конана. Киммериец тут же почувствовал силу этого взгляда. Лахи казалась дряхлой немощной старухой, но за этой жалкой маской чувствовалось присутствие чего-то необычайно сильного.

- Тот-Амон приказал мне убить тебя на месте или сковать тебя самыми тяжелыми цепями, заговорила ведьма. Голос ее был хриплым.

Конан и бровью не повел.

- Я хочу увидеть своего сына, - твердо сказал он.

- Тот-Амон сказал, что ты - самый опасный человек во всем мире, невозмутимо продолжила Лахи. - Я же считала самым опасным человеком его самого. И потому его слова кажутся мне странными. Ты действительно так опасен?

Я хочу увидеть своего сына, - повторил Кован. - Может быть, я ошибаюсь, но я не чувствую опасности, - спокойно продолжала колдунья. - Ты силен, это верно, ты силен и вынослив. Я несколько не сомневаюсь в том, что ты достаточно отважен. И все же ты - просто человек. Не понимаю, - почему Тот-Амон так боится тебя?

- Он знает, что во мне его гибель, ответил Конан. - То же будет и с тобой, если ты не отведешь меня к сыну.

Морщинистое лицо ведьмы застыло, глаза засверкали холодным изумрудным светом. Конан продолжал смотреть ей в глаза. Взгляд Лахи исполнился еще большего холода, но и тогда киммериец не отвел своих горящих глаз. Не выдержав его взгляда, ведьма отвернулась.

Немыслимо высокие и худые мужчины в черных, плотно облегающих тело одеяниях тут же появились за спиной Конана. Казалось, они явились по беззвучному зову своей владычицы. Не поднимая глаз, с голосом, лишенным былой силы, она приказала:

- Отведите его к сыну.

Принц Конн содержался в глубокой яме, напоминавшей пересохший колодец, стены которой были выложены темным камнем. Конана спустили вниз на веревке, после чего веревка тут же была извлечена из ямы.

Мальчик лежав у стены на куче сырого тряпья. Он тут же признал в полуголом великане своего отца и, вскочив на ноги, бросился в его объятия. Конан прижал мальчика к себе и стал сыпать проклятиями, желая хоть как-то скрыть обуревавшие им нежные чувства. Наконец, он похлопал мальчика по плечу и взял с него обещание, что тот не станет впредь вести себя так глупо. Слова его были грубы и звучали грозно, но по лицу его ручьем катились слезы.

Взяв сына за руку, Конан принялся осматривать его. Одежда Конна превратилась в лохмотья, он побледнел и осунулся, было непонятно и то, что он цел и невредим. Пережитое им могло свести с ума кого угодно, тем более ребенка, но он, судя по всему, держался молодцом. Конан усмехнулся и потрепал его по плечу.

- Отец, здесь не обошлось без Тот-Амона, - возбужденно прошептал Конн.

- Я знаю, - буркнул Конан.

- Прошлой ночью старая карга вызывала его дух, - так же истово продолжал мальчик. - Они повесили дикаря за ноги и перерезали ему горло, так что кровь его стекала в чашу с горящими угольями! Поднялся страшный дым, и она превратила его в Тот-Амона!

- О чем же они говорили?

- Когда Тот-Амон услышал о том, что ты идешь по Пограничному Королевству в одиночку, он стал просить, чтобы она убила тебя своими чарами! Она спросила, зачем ей тебя убивать, и он ответил ей, что ты, мол, слишком опасен. Они стали спорить, и спор у них вышел долгий.

Конан задумчиво почесал бороду.

- Ну а ты-то сам понимаешь, почему колдунья не стала убивать меня?

- Я думаю, она хочет оставить нас в живых и тем самым как-то подчинить себе Тот-Амона, - ответил мальчик. - Все колдуны и маги мира связаны между собой. Тот-Амон куда сильнее и важнее этой старой ведьмы, но пока ты находишься в ее руках, он не сможет властвовать над нею.

- Как знать, может ты и прав, сынок, - поразился Конан. - А что это за связь между магами, о которой ты говорил? Ради чего они объединились?

- Они объединились с тем, чтобы уничтожить королевства Запада, - ответил Конн. - Тот-Амон - глава всех черных магов Юга, - Кема, Стигии, Куша, Зимбабве и тропических стран. У магов этих существует что-то вроде гильдии, которую сами они называют Черным Кольцом...

Конан неожиданно вздрогнул.

- Так-так, - и что же это за Черное Кольцо? Возбужденье мальчика достигло предела.

- Тот-Амон властвует над Черным Кольцом, но этого ему мало. Он хочет, чтобы Черное Кольцо слилось с Белой Рукой на севере и Алым Кругом где-то на Дальнем Востоке!

Конан застонал. Он знал о Черном Кольце, этом древнем братстве служителей зла. Он знал и о тех мерзостях, которые творили члены Кольца, схоронившиеся до времени где-то в Стигии. Когда-то Тот-Амон был главой этого ордена, затем место стигийца занял некто Тутотмес, которому удалось свергнуть его. Тутотмеса уже не было в живых, и Тот-Амон, похоже, вновь обрел прежнюю власть над магами. Молодым королевствам Запада это не сулило ничего хорошего.

Они говорили до тех пор, пока Конн не рассказал отцу всего ведомого ему. Едва закончив рассказ, мальчик заснул крепким сном, положив голову на грудь отцу. Конан нежно обнял сына и задумался. Он смотрел во тьму, думая о том, что же может принести им будущее.

8. ПОСВЯЩЕННЫЕ ЧЕРНОГО КОЛЬЦА

На круглом каменном возвышении, находившемся в самом центре залы, стояло четыре трона черного дерева. Троны эти стояли полукругом возле огромной медной чаши с раскаленными угольями. В них сидели трое мужчин и женщина.

За стенами замка ярилась буря. Небо то и дело озарялось вспышками молний, походивших на огненные клинки. Дождь неистово хлестал по громаде замка. Земля сотрясалась от оглушительных раскатов грома.

В зале же гром скорее походил на шорох. Своды ее были объаты непроницаемой тьмой, с которой, казалось, не могла совладать никакая стихия. Люди сидели совершенно безмолвно, однако чувствовалось, что тишина эта исполнена крайнего напряженья, что росло с каждой минутой. То и дело они искоса поглядывали друг на друга.

Из гулкой тьмы появились одетые в черное служители Белой Руки, что шли парами. Они вели с собой Конана. Смуглое его лицо казалось спокойным, отблески пламени играли на его обнаженной груди. Рядом с ним, высоко подняв голову, шел его сын. Колдуны подвели их к возвышению.

Конан поднял глаза и встретился взглядом с человеком могучего телосложения, одетым в темно-зеленую мантию. Голова этого человека была обрита наголо.

- Вот мы и свиделись, пес киммерийский, - процедил сквозь зубы Тот-Амон. Он говорил по-аквилонски с едва заметным акцентом.

Конан что-то проворчал и сплюнул. Отвечать стигийцу он не собирался, считая, что так он может разве что унижить себя, и потому он принялся рассматривать людей, сидевших на тронах. Гиперборейская колдунья была ему знакома, двух других он видел впервые. Первый был крошечным женоподобным человечком с кожей янтарного цвета и холодными бездушными глазами змеи. Его немислимое одеянье поблескивало драгоценными камнями, на коротких толстых пальчиках мерцали золотые перстни.

- Это божественный Пра-Юн, Владыка Алого Круга, бог и вершитель судеб Ангкора, восточной столицы мира, - торжественно возгласил Тот-Амон. Конан не сказал в ответ ни слова, маленький же пузатый камбуджиец вежливо заулыбался.

- Великий король Аквилонии и я - старые друзья, хотя он меня и не знает. Некогда он сослужил мне такую службу, что я благодарен ему и по сей день, произнес коротышка писклявым голосом.

- Как-то мне не доводилось об этом слышать, - насторожился Тот-Амон. Пра-Юн широко улыбнулся.

- Ну как же! Некогда он смог уничтожить знаменитого Ян-Шаня, - вероятно, сам он помнит об этом? Так вот, - этот самый Ян-Шань был самым могущественным из всех магов Кхитая. Он был моим соперником и превосходил меня в силе, и потому был владыкой Алого Круга. Не убей его этот отважный аквилонский царь, и я не стал бы верховным магом нашего ордена!

Пра-Юн вновь широко улыбнулся, однако Конан заметил, что глаза его при этом остаются холодными, - неподвижными и ледяными словно у гадюки.

Рядом с крошечным восточным божком сидела одетая в белую мантию Лахи, за Лахи - огромный черный дикарь. Его натертое маслом тело поблескивало, на кудрявой голове покачивались страусиные перья. Он был одет в шкуру леопарда, на запястьях и предплечьях поблескивали массивные золотые браслеты. Огромный мускулистый дикарь сидел совершенно недвижно. Живые его глаза горели адским пламенем.

- А это великий боккор или шаман Ненаунир, пророк и верховный жрец Дамбаллы, - так жители далекой Зимбабве величают Отца Сета, - представил дикаря Тот-Амон. - Одно слово Ненаунира и три миллиона черных воинов сметут все и вся.

Конан продолжал хранить молчание. Черный великан проревел:

- Стигиец, он не кажется мне опасным. Почему ты его так боишься?

Тень легла на лицо Тот-Амона. Не успел он вымолвить и слова, как Лахи рассмеялась хриплым смехом.

- Я присоединяюсь к Владыке Зимбабве! - проскрипела она. - А теперь мне хотелось бы немного развлечь моих гостей. Камоинен! - Ведьма хлопнула в ладоши.

Круг Колдунов расступился и к возвышению подошел один из них. На бледном его лице поблескивали водянистые голубоватые глаза. В руках Колдун держал тонкую черную палочку больше локтя длиной. На каждом ее конце было по небольшому размером с куриное яйцо - металлическому шару.

Он поклонился своей королеве.

- Приказывай же, Богиня, - бесстрастно произнес он. Бледная морщинистая маска озарилась изумрудным блеском кошачьих глаз. Ведьма смотрела на Конана.

Пусть киммериец опустится перед нами на колени, - сказала она. - Тогда мои братья поймут, что бояться его нечего!

Человек в черном низко поклонился Лахи и тут же метнулся к Конану, взмахнув своей палочкой. Бдительный киммериец отпрыгнул назад, ибо не понимал того, что же держит в руках Колдун. Магический жезл просвистел мимо его лица, коснувшись седых прядей.

Противники принялись кружить по зале. Конан то сжимал, то разжимал свои огромные кулачищи. Ему хотелось броситься на тощего гиперборейца и повергнуть его одним смертельным ударом, но он удерживал себя, понимая, что тонкая палочка, поблескивающая в руке противника, таит в себе какую-то неведомую ему опасность.

Юный Конн так и стоял в окружении Колдунов. Внезапно он поднял руку и прокричал что-то по-киммерийски. Язык этот, резкий и гортанный, ни на что не походил, - кроме отца здесь его никто не знал.

Конан сузил глаза. Мальчик сказал ему, что Колдуны бьют своими жезлами по болевым точкам.словно тигр Конан ринулся на своего противника и занес правую руку для удара. Колдун взмахнул своей палочкой, метя киммерийцу в локоть.

Конан подставил под удар левую руку, которую тут же пронзила страшная боль, правую же рукой он изо всех сил ударил Колдуна в лицо.

Не успело тело Колдуна рухнуть наземь, как Конан подхватил его и швырнул в центр залы.

Тело угодило прямо в чашу, до краев наполненную раскаленными угольями. Четверку изумленных магов окатил огненный ливень.

Белые одеянья Лахи вспыхнули, и она пронзительно завизжала. Тот-Амон, прикрывая лицо руками, отшатнулся назад. Маленький камбуджиец споткнулся о ножку трона и рухнул прямо в огненное месиво.

Зала наполнилась шумом. Стражи в черных одеждах задвигались, но было уже поздно. Конан метался между ними, сшибая их словно кегли. Страшные удары его огромных кулаков крушили черепа и дробили кости врагов.

Юный Конн тоже не стоял на месте. Отец не зря учил его искусству рукопашного боя. Стоило отцу сойтись с первым противником, как Конн ударил стоявшего рядом с ним Колдуна под коленную чашечку. Колдун охнул и упал на пол. Конн ударил его по голове деревянным табуретом и тут же набросился на другого гиперборейца. Не прошло и десяти секунд, как он сразил этим странным оружием четверых врагов.

На каменном возвышении бился в агонии царь Ангкора. Грозно заревев, огромный черный шаман поднял над головой трон и швырнул его в Конана.

Конан прыгнул на пол, и тяжелый трон, просвистев у него над головой, сокрушил добрую дюжину его противников. Не мешкая ни минуты, киммериец взбежал на возвышение и схватил Тот-Амона за горло.

И тут ему помешала старая ведьма. Обезумев от боли, она металась по каменному кругу, полыхая словно факел. Конан отшатнулся от нее, и в тот же миг Тот-Амон прибег к последнему своему средству.

Зала озарилась ослепительной вспышкой изумрудного света. Конан схватил в руки трон Лахи, но было уже поздно, - Тот-Амон бесследно исчез.

Конан посмотрел в залу. Повсюду царили сумятица и хаос. Разбросанная по полу солома местами горела. Пол был усеян изуродованными трупами гиперборейцев. Он увидел своего сына, бешено вращавшего над головой тяжелый табурет. Полдюжины Колдунов уже лежали на полу, однако круг гиперборейцев, размахивавших своими страшными жезлами, становился все теснее. С десятков Колдунов взбежало по ступеням каменного круга; лица их были исполнены решимости.

9. КРОВЬ И ПЛАМЯ

Конан оторвал от земли тяжелую медную чашу, обжигавшую ему пальцы, и метнул ее в Колдунов. Чаша смела их с круга. В тот же миг зала вновь наполнилась изумрудным огнем. Конан обернулся и увидел, что исчез и черный шаман. Похоже, это колдовство позволяло магам легко преодолевать любые расстояния. Сюда они прибыли тем же способом, - в этом можно было не сомневаться.

- Киммериец!

Голос этот заставил Конана вздрогнуть. Он обернулся.

Камбуджиец являл собою нечто жалкое. Его усыпанная камнями мантия обратилась в перепачканную сажей тряпку. Инкрустированная самоцветами корона свалилась с его головы, открыв бритый череп. Лицо было покрыто ссадинами и волдырями. Однако глаза его смотрели на Конана пристальнее, чем прежде, взгляд Пра-Юна исполнился страшной силы.

Маг протянул к Конану свою дрожащую руку и из пальцев его внезапно выплеснулись снопы пламени.

Киммериец охнул. Тело больше не подчинялось ему, - казалось, что его погрузили в ледяную воду. Холод сковал его члены.

Скрипя зубами, он попытался силою перебороть внезапную напасть. Лицо его потемнело от напряжения, глаза едва не вышли из орбит. Но все его попытки были тщетными, - тело его

обратилось в ледяную глыбу, неподвластную человеческим воле и силе.

Лежащий среди угольев камбуджиец заулыбался. Нечестивый огонь вспыхнул в его холодных змеиных глазах.

Не опуская руки, маг стал бормотать слова заклинания.

Сердце Конана пронзила боль. Над ним стала сходить тьма".

И тут невеста откуда взявшаяся стрела угодила прямо в висок Пра-Юну. Холодные черные глаза погасли.

Тело мага забило в конвульсиях и, наконец, замерло. Чары распались, Конан вновь был свободен.

Его окатила волна тепла и силы, - тело его вновь вернулось к жизни.

Он поднял глаза и посмотрел в залу. Старый Эрик стоял у стены, в руках он держал тяжелый арбалет. Никогда еще он не стрелял так метко. В залу вбежала дюжина одетых в броню рыцарей и добрая сотня гвардейцев Танасула. Просперо поспел вовремя.

Близился восход. Конан набросил на плечи сына теплую шерстяную накидку. Руки, обожженные медным котлом, ныли, однако, переборов боль, он посадил сына на коня. Долгая страшная ночь, исполненная крови и пламени, подходила к концу, и конец этот был счастливым. Воины Просперо разгромили вражье воинство, убив всех Колдунов до единого. Культ смерти был развенчан, страшной Белой Руки, властвовавшей над Севером, больше не существовало.

Конан обернулся. Из узких окон Похиолы вырывались язычки пламени. Крыша замка уже обрушилась. Под обломками каменных сводов лежали тела Пра-Юна и Лахи. Разве он не предупреждал Лахи о том, что он, Конан, может стать причиной ее гибели?

Вернувшись в Танасул, верный Просперо за пару часов поднял воинство и, не мешкая ни минуты, повел его по тропам Гандерланда и Пограничного Королевства. Они передвигались так быстро, что, казалось, за ними гонится сотня демонов.

Войско не останавливалось ни днем, ни ночью, все понимали, что малейшее промедление может обернуться для их короля гибелью. И они поспели вовремя. На стенах замка не было ни души, - все Колдуны были собраны в зале, где происходила встреча величайших магов мира.

Решетка была поднята, а обитые железом створки ворот распахнулись от легкого прикосновения. Слуги Белой Руки слишком презирали людей для того, чтобы запирали врата своего замка. Им была ведома лишь одна реальная сила, и принадлежала она их владычице, великой волшебнице Лахи.

Земля сотряслась от грома; пламя взмыло до небес. Рухнули последние своды страшного замка. Похиолы больше не существовало; зло, заключенное в ней, отошло в мир сказаний и легенд.

Донельзя усталый, но счастливый Просперо подошел к Конану, стоявшему рядом с жеребцом, на спине у которого спал его сын. В глазах Конана поблескивали озорные искорки.

- Ты не забыл и о Черном Вотане! - улыбаясь сказал киммериец и потрепал жеребца по холке. Конь шумно задышал.

- Я полагаю, господин, настало время возвращаться домой? - спросил Просперо.

- Разумеется! Скорее домой, в Гарантию! Охотой я сыт по горло! То ты кого-то ловишь, то тебя ловят! Черт бы побрал эти гиперборейские туманы! У меня от этой сырости в горле першит. - Конан внезапно замолчал и принялся копаться в подсумках.

- Что случилось, мой повелитель?

- Слушай, Просперо, а у тебя случаем не осталось того красного пуантенского вина? Если память мне не изменяет, тогда мы не все выпили...

Конан вновь замолчал и удивленно уставился на своего генерала. Тот хохотал так, что по щекам его текли слезы.

ЧЕРНЫЙ СФИНКС НЕПТХУ

1. ПОЛЕ ЧЕРЕПОВ

Над истерзанной, залитой кровью землей Зингары эбеновым покровом нависла ночь. Бледный, скалящийся лик луны смотрел сквозь рваные облака, несущиеся по небу, на объятую смертью землю. Раввина, полого спускавшаяся к устью мелководной Алеманы, была усеяна трупами людей и коней. Здесь лежали сотни и сотни рыцарей и иоменов, - лица одних были погружены в лужи застывшей крови, другие - те, что лежали на спине, - бесстрастно взирали своими окостеневшими глазами на хищно щерящийся месяц. С радостным омерзительным повизгиванием гиены справляли свой пир, - отовсюду слышался хруст костей и чавканье. В этом неприятном северовосточном уделе Зингары людей всегда было мало; долгие века войн с пуантенцами, жившими по другую сторону реки, сделали эти места почти необитаемыми. Люди здесь встречались едва ли не реже, чем волки и леопарды. В народе поговаривали, что с недавних пор здесь поселились и упыри, обитавшие прежде на холмах в центральной части Зингары. Сегодня праздник справляли и они.

Зингарцы называли это мрачное место Полею Черепов. Никогда прежде край этот не оправдывал так своего названья, никогда прежде земли его не пили столько человеческой крови, никогда прежде подобное воинство не полегало на ратном поле.

Здесь захлебнулись в крови тщеславные мечтанья Панто, герцога Гварралидского, исполнившегося решимости занять пустующий королевский трон. На эту

карту Панто поставил все. Вместе со своей бандой он завладел западными провинциями Аргоса и стал их владыкой. В битве с ним погибли и старый король Аргоса Мило, и его старший сын, который должен был взойти на королевский престол вслед за отцом.

Разгромив аргосцев, герцог Панто неожиданно перешел Алиману и напал на солнечный Пуантен. Считалось, что так он хотел укрепить свой тыл перед атакой на зингарскую столицу Кордаву. Впрочем, об этом можно было лишь гадать, ибо аквилонский меч навсегда лишил герцога дара речи.

В тавернах поговаривали о том, что в герцога вселился демон, - некий колдун, завладев душою Панто, сделал его своим послушным орудием. Впрочем, предприятие это заранее было обречено на провал, - все понимали, что леопардам Пуантена никогда не удастся совладать с аквилонским львом. Король Конан, правивший самым могущественным королевством Запада, повел свои железные легионы на борьбу с вероломным Панто, угрожавшим его южным границам.

Первое сражение состоялось на зеленых лугах Пуантена. Неистовая атака зингарцев была остановлена хладнокровными воинами из Гандерланда, боссонские же лучники заставили рыцарей Панто повернуть назад. Не успел Панто начать вторую атаку, как Конан поднял свою кавалерию. Возглавили ее гвардейцы аквилонского короля - Черные Драконы. Во главе воинства скакал сам Конан, ратная слава которого защищала его лучше всякой кольчуги.

Зингарцы пустились в бегство, - они отходили в Зингару по Пуантенским Топям. Разгневанный Конан направил свое воинство по другой дороге. На Поле Черепов, что лежало к югу от Алиманы, армии снова сошлись. Конан наголову разгромил противника, - в живых осталось всего несколько зингарцев. Мечтанья Панто утонули в море крови.

На холме, возвышавшемся над усыпанным трупами полем, стоял огромный шатер. Над ним развевалось черное знамя с золотым львом - знамя короля Конана. У подножья холма стояли шатры рыцарей, в одном из которых расположился пуантенский дворянин. Старый граф Тросеро Пуантенский пытался умерить боль вином, в то время как врачи перебинтовывали его раны.

Солдатские палатки стояли на поле. Утомленные воины грелись у костров; многие уже спали. Кое-где солдаты разыгрывали в кости свои боевые трофеи позолоченные щиты,

островерхие шлемы и мечи с богато убранными рукоятями. На рассвете они должны были направиться в глубь Зингары с тем, чтобы положить конец раздиравшим ее распрям и возвести на пустующий престол своего наместника.

Перед королевским шатром с мечами наголо стояли Черные Драконы, охранявшие покой своего повелителя. Однако Конану в эту ночь спать не пришлось. В шатре были зажжены все фонари. Вкруг складного походного стола, инкрустированного слоновой костью из далекой Вендии, сидели походные командиры. На столе были разложены карты. Король готовил своих офицеров к походу.

Ратного опыта ему было не занимать, - вот уже пятьдесят лет минуло с той поры, как он впервые вышел на поле брани. Время посеребрило его некогда черные волосы; изуродованное шрамами лицо было изрезано глубокими морщинами. Годы скитаний в дальних странах не прошли для него бесследно, однако былой силы он еще не утратил, да и синие глаза его горели все так же ярко.

Не отрывая взгляда от карты, Конан приказал принести вина. На полученные в бою раны он не обращал никакого внимания, хотя другого они надолго вывели бы из строя. Пока Конан беседовал с офицерами, оруженосцы подносили ему блюдо за блюдом, а врач осторожно промывал и перебинтовывал его раны.

- Этот рубец придется зашивать, мой господин, - тихо сказал хирург.

- Валяй! Если буду ругаться, не обращай на меня внимания. Палантид, скажи-ка, каким путем лучше всего идти в Стигию?

- Этим, мой господин, - ответил генерал, ткнув пальцем в карту.

- Эге... Я здесь уже бывал. Этой самой дорогой я ушел от колдуна Ксалтотуна...

Конан надолго замолчал. Подперев кулаком голову, он предался воспоминаниям. С той поры, как он сразился со страшным колдуном из Ахерона, прошло уже пятнадцать лет. И тут Конана посетила странная мысль. Герцог Панто считался коварным и умелым воином, однако в последнее время он вел себя как безумец. Лишь последний глупец или человек, окончательно сошедший с ума, мог напасть на одну из самых верных и сильных провинций Конана. Конан, сошедшийся с Панто в бою и страшным ударом раскроивший ему череп, не назвал бы его ни глупцом, ни сумасшедшим.

Ему вдруг подумалось, что за Панто кто-то стоит, чья-то незримая рука управляет действиями зингарца. Киммериец чувствовал, что дела обстоят не так просто, как ему представлялось вначале. Похоже, и здесь не обошлось без колдовства.

2. ВЕСТНИК СУДЬБЫ

Капитаном Королевской гвардии в эту ночь был уроженец Кофа Амрик; в златостенную Тарантию его привели легенды о силе и отваге короля Конана. Черные Драконы величали Амрика "Быком", ибо он был силен, отважен и неистов в бою. Амрик был широк в плечах и говорил басом. Как и большинство обитателей Кофа он был смугл. Вьющаяся черная борода говорила о том, что в нем была частичка шемской крови.

К королевскому шатру поднимался маленький человечек в грязных белых одеждах. Его смог узнать только Амрик.

- Клянусь пламенем Молоха! - воскликнул капитан. - Если это не друид из страны пиктов, можете считать меня евнухом! - Переложив меч в левую руку, Амрик поднял правую руку в предупредительном жесте.

Человечек засмеялся, продолжая идти вперед как ни

в чем не бывало. Его слегка пошатывало. Амрик решил, что друид пьян.

- Твой грех раскрыт, Амрик из Хоршемита! - внезапно услышал он.

Амрик грязно выругался, помянув имена всех восточных божков. Он заметно побледнел, на

лбу выступили капельки пота. Гвардейцы изумленно посмотрели на него, ибо знали о его мужестве и честности, и перевели глаза на странного незнакомца.

Этот пожилой человек выглядел совершенно безобидно. Он был почти лыс; с бледного дряблого лица на них взирали водянистые голубые глаза. Ноги его были тонкими, как у птицы. Откуда здесь мог появиться этот человек, было совершенно непонятно, - на война он явно не походил.

- Бык, да он знает тебя! - проревел светловолосый Ванр. - Дедуля, о каких это грехах ты говоришь, - у него что, - ребенок где-то на стороне, или, может быть, он задолжал в питейной лавке столько, что и герцогу за него не расплатиться?

Стражники захохотали, но Амрик тут же прикрикнул на них:

- Попридержите свои языки, выродки! Повернувшись к человечку, что с ангельской улыбкой стоял, опершись на посох, капитан поклонился ему и снял с головы свой шлем.

- Чем я могу быть вам полезен, Святой Отец? - неожиданно вежливо обратился он к старичку, хотя на языке у него были совсем другие слова.

Амрик не забыл урока, полученного им в те времена, когда он служил на Боссонских Топях. Там он не единожды убеждался в том, что тщедушные людишки в белых одеяниях, таких же как у этого старичка, обладают чудовищной силой. На головах эти люди косили золотые обручи, свидетельствовавшие об их сане, в руках же их всегда был дубовый посох. Эта были друиды, жрецы лигурийцев. Светлокожие лигурийцы жили небольшими кланами в стране пиктов вместе с ее коренными жителями, что были ниже их ростом и смуглее. Лигурийцы и сами были варварами, пикты же рядом с ними казались настоящими дикарями. Дикари эти не боялись ни бога, ни черта, одна ко к друидам относились крайне уважительно.

- Я должен переговорить с вашим королем, прежде чем он ляжет спать, ответил друид и тут же добавил: - Я - Дивиатрикс, верховный друид страны пиктов. Передай своему королю, что я пришел к нему из Великой Роши и принес с собой послание. Владыки Света повелели мне принять участие в судьбе их слуги Конана.

Бык Амрик поежился, помянул про себя имя Митры и покорно отправился в шатер.

Конан отправил офицеров по шатрам, приказал принести горячего вина и сел за стол. Раны его ныли, но это не мешало ему слушать маленького посланника страны пиктов.

Король Аквилонии не придавал особого значения монахам и жрецам, какому бы богу они ни служили. Его собственный киммерийский бог Кром не обращал на людей никакого внимания; его не заботили ни горести их, ни их страдания. Кром был одним из Древних Богов; однажды он играючи слепил из комка глины Землю и заставил ее кружиться среди звезд. Дальнейшая судьба Земли его несколько не волновала, возможно, он даже и забыл о ней. Но Конану, так же как и Амрику, приходилось сталкиваться с пиктами, и его не могла не потрясти их поразительная отвага. Натиск пиктов не могли сдержать даже могучие воители Севера. Союзники пиктов лигурийцы в бою мало чем отличались от этих свирепых дикарей.

За свою богатую приключениями жизнь Конан успел навидаться всякого, монахов и жрецов разного рода он тоже насмотрелся. Лигурийские волшебники друиды всегда казались ему чем-то особым, - казалось, никто не приближался так близко к слепящему свету истины, как эти спокойные улыбчивые люди в белых одеяниях, которым дубовый венец заменял корону.

Разговор вышел долгим, не одну чашу вина вы пили Конан и Дивиатрикс. Конан слышал это имя и раньше, ибо среди друидов Дивиатрикс был первейшим из первых. Не единожды боги говорили с людьми устами этого человека, известного своим пристрастием к хмельным напиткам. О, это был великий друид, - даже сам Деканаватха Кровавый Топор, предводитель воинства пиктов, что не склонялся ни пред кем и ни пред чем, целовал землю, обогренную кровью тысяч врагов, когда Дивиатрикс прошел мимо его жилища.

Верховный друид пришел из Великой Нуадвиддонской Роши, повинувшись приказу Владыки Бездны Нуаденса Аргатлама Серебряной Руки. Дивиа трикс принес мрачному гиганту послание Повелителей Творения, некогда вынудивших Конана покинуть родную Киммерию и отправивших его на борьбу со злом в западной части мира. Помимо прочего, в послании этом говорилось и о некой пластинке, выточенной из неведомого камня, что был тяжел как жадеит, но цветом походил на пурпурные башни древней Валузии. Конан понял, что это за камень, хотя даже составители "Книги Скелоса" не посмели сказать о нем ни слова.

Захмелевший Белый Друид говорил с Конаном целый час. Начинало светать, У шатра появились наследница зингарского трона дочь покойного короля Фердруго Хабела вместе со своим супругом, что хотели просить Конана о помощи в изгнании самозванцев и восстановлении в Зингаре законной власти. Принцесса Хабела, ее супруг Оливеро и их пышная свита стояли у шатра до самого рассвета. Конан слушал рассказ хмельного человечка, одетого в лохмотья.

Солнце еще не взошло, когда запели трубы. Шатры тут же были свернуты, и уже через полчаса аквилонские рыцари были готовы к походу.

Разговор с принцессой занял у Конана десять минут. С той поры, как он видел Хабелу, прошло уже лет двадцать. Тогда она была совсем юной, Конан же в ту пору служил капитаном зингарского капера. Он смог спасти от посягательств коварного стигийского мага Тот-Амона трон Зингары, которой до самой своей смерти правил старый король Фердруго.

За эти годы Хабела заметно располнела. Она все еще была привлекательной, но уже начинала походить на матрону. Седовласый король Аквилонии поцеловал ее в щеку и справился о здоровье одиннадцати детей, но тут же прервал ее и подозвал к себе ее супруга. Приказав Оливеро встать на колени, Конан возложил на его плечи свой тяжелый меч и взял с него клятву в верности и послушании. После этого Конан во всеуслышание объявил Оливеро и Хабелу законными королем и королевой Зингары, сюзереном же их, естественно, становился правитель Аквилонии. Он тут же направил их в Кордаву, приказав небольшому отряду рыцарей следовать за ними в качестве охраны.

Конан потряс головой, пытаясь избавиться от сонливости, и взобрался на своего вороного жеребца. Над воинством, в котором было шесть тысяч воинов, считая всадников и пеших, взвился черный стяг с золотым львом. Войско направилось на юго-восток, к границе Аргоса. Конан шел войной на Стигию.

3. ПОХОД К СТИКСУ

Каждый переход длился не менее десяти часов. Армия могучих аквилонских именов двигалась так стремительно, что достигла пределов Аргоса прежде, чем до него долетела весть о том, что армия герцога Панто разбита наголову. Конан отправил послание второму сыну короля Мило юному Ариостро, который находился где-то на юге страны, собирая новое воинство. Конан извещал юного принца о том, что Зингара более не угрожает его стране и восшествию Ариостро на престол теперь не помешает ничто. В то же самое время король Конан испрашивал милостивого разрешения Ариостро на переход подвластных ему земель аквилонской армией, направляющейся в Стигию.

Король направил гонцов к своим вассалам Людовику Офирскому и Балардусу Кофанскому. Он просил их передать в его распоряжение армии числом не меньше двух тысяч человек, считая конников и пеших. Армии должны были встретиться на берегу Стикса у Бубастейского Брода.

Войско аквилонцев продвигалось все дальше и дальше на юго-восток. Вместе со всеми в скрипучей повозке, запряженной мулами, ехал и маленький друид. Главного своего глашатая герольдмейстера Черного Виверна Конан отослал в свою столицу Тарантию. Ни Просперо, ни Тросеро не понимали того, что же замыслил король, спрашивать же его об этом они не

осмеливались, ибо прекрасно знали характер Конана.

Конан пронесся по Шему словно ураган. Страну зеленых пажитей войско прошло за неполных пятнадцать дней. Время от времени на их пути попадались города, обитатели которых тут же запирали все ворота и выходили на крепостные стены с оружием в руках.

Конану приходилось посылать вперед Тросеро, командовавшего отрядом герольдов, - старый граф был велеречив и хитер и потому легко справлялся со своей непростой задачей. Каждому князю он сообщал о том, что войско аквилонцев не собирается воевать с жителями Шема, одновременно он испрашивал княжеского соизволения пройти по его землям и тут же предлагал им деньги. Серебра он не жалел, и потому князьки тут же великодушно соглашались с ним и даже благословляли Конана.

Разумеется, войску аквилонцев ничего не стоило смести эти города с лица земли, но Конан предпочитал не затевать лишних свар и старался решать все вопросы миром. Мародеров он жестоко наказывал, - стоило кому-то из солдат утащить в кусты темноглазую уроженку Шема или разжиться где-то свежим мясом, как его брали под арест, с тем, чтобы повесить на виду у всех. В молодости Конан и сам был повинен в подобных грехах, но сейчас иного выхода у него попросту не было, - закон есть закон. Конан вел свое воинство на Стигию и потому старался сохранять тылы безопасными. Обычно города-государства Шема соседей своих не тревожили, ибо были заняты внутренними распрями и теологическими спорами. Объединиться они могли лишь пред лицом иноземного вторжения. Конану приходилось воевать с жителями Шема, - как за них, так и против них. Крючконосые чернобородые ашуры не уступали воинам других стран ни в силе, ни в доблести.

В полдень побелевшее от дорожной пыли войско Конана вышло на берег Стикса. Лагерь был разбит в ивовой рощце неподалеку от Бубастейской Переправы. Здесь воины провели полтора дня. За это время они успели отдохнуть и привести в порядок себя и свое оружие. В середине второго дня на берегу появились легионы, прибывшие из Кофа и Офира.

Утром в лагере появился и принц Конн, старший сын короля. С собою он привел табун лошадей. Мальчику было всего тринадцать, но он уже ничем не отличался от своего отца, почти не уступая ему ни ростом, ни силой.

Принц проехал земли Шема за десять дней, но, казалось, что он вернулся с утренней прогулки. Синие глаза его радостно поблескивали, на щеках играл румянец. Стоило принцу появиться в лагере, как поляна огласилась радостными криками. Воины любили его не меньше, чем короля, и отправились бы за ним хоть в ад.

Конн остановил коня перед королевским шатром и, спешившись, направился к своему отцу. Лицо Конана оставалось суровым, хотя сердце его ликовало. Он сухо ответил на приветствие сына и пригласил его в шатер. Стоило им скрыться от посторонних глаз, как Конан обнял сына так, что у того затрещали ребра.

- Как поживает твоя матушка? - спросил он.

- Все в порядке, - ответил Конн, улыбаясь. - Когда она услышала о том, что я буду участвовать в сражении, она стала реветь как корова. Больше всего она боится того, что я промочу ноги.

- Что ты хочешь, - мать есть мать, - проворчал Конан. - Ты бы знал мою матушку.. Но послушай меня, сын, - никогда не называй свою мать коровой!

Это нехорошо!

Мальчик согласно кивнул, и глаза его засверкали вновь.

- Отец, мы что, - действительно переправимся через Стикс? И я действительно буду сражаться рядом с тобой?

- Клянусь Кромом, как же ты еще глуп! Разве иначе я смогу научить тебя воинскому

искусству? Когда ты унаследуешь трон, тебе придется защищать его от врагов внешних и внутренних. Гимнастический зал сам по себе не плох, но будущему королю следует упражняться и на бранном поле. Но смотри, - ты должен делать только то, что я прикажу тебе, - ни в коем случае не бросайся на врага очертя голову, - слава богу, я тебя уже знаю! Ну да ладно, - скажи мне лучше, как поживают твои брат и сестра?

Конн стал рассказывать отцу о своем младшем брате семилетнем Тауресе и о маленькой сестричке Радогунде.

- Я рад это слышать! - сказал Конан, выслушав рассказ сына. - А жрецов ты с собой привел?

- Да. Они привезли маленький ларец, разрисованный странными знаками; что в нем - я не знаю... Конан кивнул.

- Можешь считать, что в нем спрятано наше тайное оружие. Ну а теперь отправляйся спать.

Мы должны оказаться в Стигии еще до рассвета.

4. ЗА РЕКОЙ СМЕРТИ

Темные воды Стикса разделяли земли Шема и Стигии. Кое-кто называл Стикс Рекой Смерти, ибо считалось, что от его вод поднимаются ядовитые испарения, а в глубинах его не может выжить ни одно живое существо. Последнее явно не соответствовало действительности, - всю ночь со стороны реки слышались рев крокодилов и тяжелое сопение бегемотов. На людей же река действительно оказывала губительное воздействие, - тот, кто хотя бы единожды окунался в воды реки Стикс, заболел мучительной неизлечимой болезнью.

Никто не знал, откуда берет начало эта река. Она терялась где-то за стигийскими пустынями, в джунглях Кешана и Пунта. Поговаривали, что на землю она вытекает из самого Ада, дабы устрашать и губить людское племя.

Войско пришло в движение еще до рассвета. Первым на камни Бубастейской Переправы ступил вороной жеребец Конана. На противоположном берегу виднелись развалины древней крепости, некогда охранявшей брод. Восстанавливать ее стигийцы и не думали, - границы Стигии теперь охранялись конными дозорами.

Справа и слева от крепости тянулись поля пшеницы. Справа виднелась и крошечная деревушка, стоявшая на самом берегу. Сразу же за узкой полоской пальм и возделанных земель начиналась пустыня, поросшая зарослями верблюжьей колючки.

Бок о бок с Конаном ехали Тросеро, командовавший Черными Драконами, и Паллантид, помощник главнокомандующего. Отъехав подальше от берега, Конан развернул коня и стал наблюдать за тем, как проходит переправа. Аквилонцы шли по броду двумя колоннами. Стоило легионам выйти на берег, как командиры отдали воинам команду разуться. Приказ этот исходил от самого короля. Люди недовольно ворчали, не видя в этой странной процедуре ни малейшего смысла, однако Конан не обращал на это никакого внимания, - ему уже доводилось бывать в этих местах, и он знал, что означало промочить здесь ноги.

Король отправил в разведку взвод всадников. Покусывая ус, граф Тросеро подъехал к своему господину и обратился к нему с вопросом:

- Мой повелитель, может быть, вы поделитесь с нами своими мыслями? Конан угрюмо кивнул.

- Хорошо, друг мой, я и так слишком долго держал вас в неизвестности.

- Зачем мы приехали в эту чертову Стигию? - спросил Паллантид.

- В Стигии живет наш главный враг - колдун Тот-Амон.

Конн, сидевший неподалеку, тут же наострил уши.

- Тот-Амон? - изумленно воскликнул он. - Тот

самый Тот-Амон, по приказу которого в прошлом году меня похитила похиольская ведьма?

- Разумеется. Есть только один Тот-Амон, - мрачно ответил Конан. - Клянусь Кромом, - как

хороша была бы земля, если бы на ней не было этого мерзавца! Белый Друид поведал мне о планах стигийца.

- Вы говорите об этом тщедушном пьянчужке Дивиатриксе?

- Этот тщедушный пьянчужка - величайший белый маг нашего времени!

Тросеро испуганно замолк, вспомнив о том, как груб он был со старым друидом.

Конан продолжил:

- Оракул Великой Рощи пиктов поведал мне о том, что действиями Панто руководил стигийский колдун. Тот-Амон либо подкупил Панто, либо смог завладеть его сознанием.

- Но зачем? - изумился Тросеро. Паллантид, съехав со склона, направился к воинству, - пора было двигаться дальше.

- Он хотел, чтобы я покинул Тарантию, - ответил старому графу Конан. Стигиец знал, что я выступлю против зингарцев вместе с вами. Он надеялся на то, что на игры с Панто у нас уйдет никак не меньше пары недель, в течение которых о Тарантии мы и не вспомним...

- Тарантия! Неужели речь идет о королеве?

- Успокойся, дружище. Зенобии и ее детям ничто не угрожает. В Тарантии хранится то, чего Тот-Амон страдает сильнее всего на свете. Он надеялся завладеть этой вещицей в мое отсутствие. Для этой работы он нанял лучших воров мира - Гильдию Ариньона.

Но Тот-Амон сильно просчитался. Он не предполагал, что я разобью армию Панто так быстро, и не знал о том, что ко мне направлен Белый Друид, посланец самого Нуадвиддона. Он забыл и о том, что весенний разлив сделает перевалы Заморы недоступными, и ворам придется идти в Тарантию круглым путем.

Тот-Амон считает, что я все еще нахожусь на севере и охочусь за Панто в горах Пуантена. Он ни о чем не

подозревает, ибо не знает того, что мне ведомы его планы. Белый Друид сделал все возможное, чтобы наш поход остался незамеченным стигийцем. Если нам повезет, мы окажемся у стен его дворца прежде, чем он узнает о том, что наше воинство пересекло границу Стигии.

- Что же это за вещица, которой он так страдает? - спросил Тросеро.

- Я знаю, граф! - воскликнул мальчик. - Это... Конна перебил внезапно подъехавший генерал Паллантид:

- Король, все снаряжение уже здесь! Люди готовы к походу!

Конан кивнул.

- Генерал, отдавай приказ к выступлению! Веди армию на восток, - милях в трех отсюда находится Бахр, там ты повернешь на юг и пройдешь вверх по течению еще полмили. Я догоню вас.

Повернувшись спиной к Стиксу, Конан обратил свой взор к мглистым далям пустынной Стигии.

- Вот уже второй раз он посягает на мой трон, - еле слышно пробормотал он. - Ну что ж, - теперь мы сразимся на его земле. Быть может, здесь он сможет поразить нас своими чарами, но теперь и они не страшны нам, - ведь Боги Света на нашей стороне. Смерти я не боюсь, а против клинка моего, думаю, будут бессильны и бесовские чары!

Затрубили рога. Спустившись к реке, всадники поскакали вслед за удалявшейся армией.

5. ГОРОД МЕРТВЫХ

Казалось, что над Стигией довлеет какое-то страшное проклятие. Чем дальше в глубь этой пустынной страны продвигались аквилонские воины, тем тревожнее становилось у них на душе. В завываньях ветра им чудился чей-то шепот; то и дело откуда-то из-под земли звучали тихие голоса, от которых стыла кровь в жилах. Людей не оставляло ощущение, что за ними следят. Солнце нещадно палило, словно желая изгнать непрошенных гостей. Никакой воды не хватило бы

для того, чтобы утолить мучившую воинов жажду.

Они подошли к деревушке, состоявшей из крошечных домишек, что были сложены из необожженной глины. Смуглые ее обитатели при виде грозного воинства тут же пустились в бегство. Бахр оказался мутной илистой речушкой, на берегах которой лежало множество гигантских крокодилов, тяжело плюхавшихся в воду при виде людей.

Войско повернуло на юг и пошло в глубь стигийских земель, стараясь не терять речку из виду. То и дело людям приходилось продираться через густые заросли колючего кустарника. Воины сжимали в руках амулеты, ежеминутно поминая богов и читая мантры. Они направлялись к сердцу этой зловещей, объятай потусторонним мраком земли.

Принц Конн взглянул на солнце и, прищпорив коня, догнал своего отца.

- Отец, мы ведь идем прямо на юг! Конан пробурчал что-то невнятное.

- Но, - не унимался мальчик, - я всегда считал, что Тот-Амон живет в Оазисе Хаджар, который находится куда западнее!

Конан пожал плечами.

- Я рад тому, что тебя научили читать карты. Дело в том, что Тот-Амон покинул это страшное грязное место. Он избрал своей новой обителью Нептху.

- Нептху?

- Это древний полуразрушенный город на самом юге страны. Мы скоро подъедем к нему. Несколько лет тому назад Тот-Амон смог завладеть всей этой страной. Тогда же он стал верховным магом Черного Кольца, всемирного братства черных магов, тайный центр которого находится именно в этом городе. Он переехал сюда из Хаджара с тем, чтобы постоянно держать это нечестивое братство под своим контролем.

Однажды он уже терял свою власть. Его соперники, такие же колдуны, как и он сам, продали его в рабство. Именно тогда он и появился в Аквилонии-.

- Так это он насылал на тебя демона, который не растерзал тебя лишь потому, что на твоём плече был знак феникса?

- Кто же еще? Так уж случилось, что Тот-Амон вновь обрел свое кольцо власти и вернулся в Хаджар. В это время Братством Черного Кольца командовал его соперник - маг Тутотмес, избравший своей резиденцией Кеми. Сила Тутотмеса была заключена в талисмане, называемом Сердцем Ахримана.

На какое-то время Черное Кольцо распалось надвое - одни приняли сторону Тутотмеса, другие - Тот-Амона. Но не успели маги сразиться между собой, как на Тутотмеса напал отряд колдунов из Кхитая. Они убили его и, завладев его талисманом, стали охотиться за мной. Но смерть ждала и их. Сердце Ахримана попало ко мне и я вернул его в Тарантию.

Теперь, как я уже сказал, Тот-Амон единолично правит Черным Кольцом, пытаюсь вовлечь в него всех черных магов мира. Оракул поведал мне о том, что сейчас он находится в Нептху.

Конан закончил свой рассказ и задумчиво покачал головой. Внимательно слушавший его граф Тросеро спросил:

- Как охраняется этот город? Конан пожал плечами.

- Об этом может знать только Митра. Я слышал о том, что этот давно покинутый жителями город превратился в руины. Быть может, маги отстроили его заново и залатали прорехи в его стенах. Но для нас, я думаю, это не имеет особого значения, - под моим началом десять тысяч воинов, - мы сможем взять город штурмом.

- Всяк может быть, - неожиданно раздался тонкий голосок друида, ехавшего вслед за ними на своей повозке.

Тросеро повернулся в седле и увидел, что друид снова пьян. Заставив себя улыбнуться, граф пробормотал:

- Ох и не нравится мне эта земля! В ответ Конан не сказал ни слова; дальше они ехали молча.

Солнце уже клонилось к западу, когда разведчики вернулись в лагерь. Город Нептху был мертв.

Армия двинулась дальше, и вскоре воины увидели пред собой развалины древнего города. От огромной стены, некогда окружавшей город, осталось лишь несколько надвратных арок, покрытых резными изображениями щерящихся чудовищ.

Город был совершенно мертв, лишь несколько птичек летало над развалинами. Крыши домов были провалены, стены превратились в груды камня. Нигде не было видно ни огня, ни дыма очагов.

Жеребец Конана задел копытом круглый белый камень, что лежал на дороге. Неожиданно легко камень откатился в сторону, обратившись к людям провалами пустых глазниц. Это был человеческий череп, лежавший здесь с незапамятных времен. Все здесь было мертво. Единственными жителями этого города были скорпионы и песчаные гадюки.

- Что будем делать? - пробормотал граф.

- Разбиваем здесь лагерь. Воду можно брать в Бах-ре, - распорядился Конан. - О дальнейшем пока думать не стоит.

Скалящийся череп наблюдал за людьми. Казалось, что он усмехается.

6. КАМЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

Они разбили лагерь за стенами разрушенного города. Конан прекрасно понимал, что на засыпанных песком и булыжником улицах древней стигийской столицы воины будут чувствовать себя не в своей тарелке. Древние руины особое место, - они населены незримыми тварями и силами, что терпеливо ждут своего часа и околдовывают каждого, кто только посмеет приблизиться к пепелищу, некогда кипевшему жизнью. Стигия и так кишела всевозможной нечистью, это же место даже для нее было особым.

Пока солдаты ломали камыш на берегу Бахра, разведчики объехали окрестные земли. Вернувшись, они доложили своим командирам о том, что места эти совершенно пустынные и необитаемы, - здесь не было ни дорог, ни поселений, единственным примечательным предметом на много миль вокруг была гигантская фигура каменного идола. Солнце уже клонилось к западу, когда Конан повел свой отряд к истукану. Стоило всадникам подъехать к каменному чуду, как огромный вороной жеребец короля громко заржал и испуганно завращал глазами.

- Кром, Митра и Варуна! - воскликнул Конан, изумленно разглядывая каменного колосса. Тросеро вслух выругался; Белый Друид же, помянув Нуаденса, Дану и Эпону, тут же приложился к фляге с вином.

Каменное чуду сидело, припав к земле, - казалось, что оно готовится напасть на неведомую жертву. Оно было вырезано из блестящего черного камня похожего на базальт или гагат. Оно походило на сфинкса, но голова его была не львиной и не человеческой, - скорее она была похожа на голову собаки или шакала.

- Признаться, я считал, что черные маги этой страны поклоняются только Древнему Змею Сету, - сказал Тросеро. - Никак не возьму в толк, - что же это за чуду?

Дивиаатрикс зажмурился.

- Клянусь рогами Кернунноса, это дьявольская гиена Хаоса, - пропищал он. Вот уж не думал, что люди когда-нибудь изваяют ее в камне!

Конан разглядывал фигуру гиеноподобного сфинкса, изумляясь все больше и больше, - скульптор, изваявший ее, был гениален, - она выглядела настолько правдоподобно, что казалась живой. Пасть чуду была слегка приоткрыта, так что видны были ее мощные острые клыки.

Казалось, что гиена вот-вот зарычит и бросится на незваных гостей. От одной только мысли об этом у Конана по спине пошли мурашки.

- Я думаю, нам пора ехать назад, - сказал король, - иначе это чудище явится нам во сне.

Закатные огни погасли; стигийские пустыни погрузились во тьму. Узкий серп луны на миг показался из-за горизонта, но тут же зашел вновь. Все небо было усыпано яркими мерцающими звездами. Многие созвездья были совершенно неизвестны аквилонцам.

Палаточный городок расположился в полумиле от стен древнего Нептху. Костры ярко горели, озаряя своим пламенем окрестные земли. Завернувшись в одеяла поплотнее, люди пытались уснуть. Стражи - на этот раз их было вдвое больше, чем обычно, - вышли в ночной дозор. Стояла мертвая тишина, однако в воздухе чувствовалось странное напряжение.

Утомленный многодневным походом Конан так и не смог уснуть. Было уже за полночь, когда он поднялся со своего ложа и приказал оруженосцу зажечь лампу. Он плеснул в кружку вина и сел на легкий походный стульчик. Спать совершенно не хотелось, напротив, - он чувствовал необычное возбуждение, которое обычно посещало его в минуты опасности.

Ругнувшись, Конан стал одеваться.

- Доспехи! - распорядился он. - Нет, нет - к черту латы, - неси кольчугу! Мы пойдем пешком.

Король отказался надевать всю амуницию, ибо, с одной стороны, это заняло бы слишком много времени, с другой - он стал бы слишком неповоротливым. Сапоги, шлем и перевязь - вот и все, что он надел на себя. Конан открыл обитый железом сундук и достал из него маленькую шкатулку, привезенную жрецами Митры из Тарантии.

Киммериец зашел в соседние шатры и разбудил Конна и Тросеро. Затем он отправился в палатку Белого Друида. Тот не спал, - завернувшись в одеяло, друид сидел возле жаровни. Казалось, что Дивиаатрикс был погружен в глубокий транс, - он едва заметно покачивался, глаза же его были слегка прикрыты. Друид напомнил Конану кхитайца, накурившегося мака.

- Вставай, друид! - громко сказал король. - Я чувствую опасность.

Лицо лигурийского жреца было бледным как смерть, глаза его смотрели куда-то в пустоту.

- Глаза, - прошептал друид, - зрячие тени... Где-то поблизости силы зла...

Конан потряс лигурийца за плечо.

- Вставай, жрец! Ты что, - снова пьян? Дивиаатрикс едва заметно улыбнулся.

- Пьян? Клянусь грудью Матери Дану, король,

выпитого мною вина хватило бы на то, чтобы свалить с ног все войско, я же трезв как стеклышко!

Конан вздрогнул и, распахнув полог палатки, выглянул наружу. Там никого не было.

7. ЗРЯЧИЕ ТЕНИ

Не мешкая больше ни минуты, Конан вышел под открытое небо. Удивленный друид, прихватив свой дубовый посох, поспешил за ним. Рядом с палаткой Дивиаатрикса стояли Тросеро, блиставший полной выкладкой, и позевывающий Конн. В следующее мгновение к ним присоединился Паллантид.

- Что случилось, мой господин? - недоуменно спросил генерал.

- Не знаю что, но что-то точно случилось, - проворчал король. - Разрази их Кром этих колдунов!

- Может быть, стоит поднять войско?

- Пока не надо. Пусть люди поспят хоть немного. Лучше усильте дозор. Я предлагаю переговорить с караульными, - возможно, они что-нибудь заметили. Паллантид, пришли-ка мне парочку ребят покрепче, что не побоятся ни человека, ни бога, ни самого дьявола!

Через несколько минут из темноты появилось два гандерландских воина, позвякивавших оружием и непрестанно зевавших. Это были рослые кряжистые парни с безмятежными словно у

детей лицами. Взглянув на них, Конан одобрительно кивнул головой.

- Идем!

Они прошли меж рядами солдатских палаток и подошли к караульным. Тем не удалось заметить ничего подозрительного, однако Амрик, командовавший дозором, сказал:

- Все спокойно, Ваше Величество. Тишина полнейшая, вот только шакалы где-то воют. Правда, некоторые наши люди жалуются на, - как бы это вам сказать, - да, - жалуются на тени!

- Какие-такие тени? - грозно спросил Конан. Кофанский воин почесал бороду.

- Да глупость это какая-то, Ваше Величество! Они говорят, что видят тени там, где их быть не должно, - в том смысле, что без предмета тени не бывает. Эти идиоты говорят, что тени наблюдают за ними!

- Зрячие тени! - воскликнул Дивиатрикс. - Выходит, я не ошибся!

Конан стал нервно покусывать ус.

- Значит, говоришь, тени? Похоже, они скоро и мышей станут бояться! Ну что ж, сейчас мы посмотрим - так ли это.

Ослабив ножны, Конан повел свой небольшой отряд вокруг лагеря. Вместе с ним в дозор вышли Тросеро, Конн, старый друид и два воина-гандерландца. Сухой песок тихо поскрипывал под их сапогами. Факелы в руках солдат шипели и потрескивали. В свете пламени хорошо просматривалась вся округа.

Юный Конн внезапно замер и, схватив отца за руку, указал на что-то пальцем. Посмотрев в этом направлении, Конан ахнул от неожиданности.

- Следы! Выходит, за нами действительно следят! А они говорят мне о каких-то тенях! Чего-чего, а следов тень не оставляет...

Тросеро взял в руку рукоять своего меча.

- Мой господин, не пора ли нам поднимать армию?

- Из-за одного шпиона поднимать целое войско? Да это же смешно! Нет, - мы пойдем по этому следу и придем в их логово! Прежде чем мы их не выследим, будить людей не стоит. - Конан подозвал к себе одного из гандерландцев. Отправляйся в лагерь и расскажи Паллантиду о том, что мы здесь увидели. Мы пошли по следу. Пусть он пошлет вслед за нами отряд отборных воинов. Если нам понадобится помощь, мы подадим им знак. Я хочу застать врага врасплох, от них же шума будет столько, что впору оглохнуть.

Киммериец поспешил по таинственному следу. Долгий переход истомил его настолько, что он и думать забыл об осторожности. Спутники едва попевали за ним. Вскоре лагерь совершенно исчез из виду.

- Смотрите, Ваше Величество! - прошептал Тросеро, указывая рукою вперед.

Присмотревшись получше, Конан увидел далеко впереди человека в черной мантии, на голову которого был наброшен капюшон. Человек этот направлялся к Черному Сфинксу. Образ тут же померк. Конан протер глаза и вновь стал всматриваться во тьму.

- Вперед! - прошептал он и прибавил шаг.

8. НОЧНОЙ ПРИЗРАК

Звезды медленно кружили над головой. Конан и его спутники крались по следу таинственной тени. Как они не спешили, ни догнать, ни хорошенько рассмотреть эту темную фигуру они не могли, - словно призрак она маячила где-то впереди.

Через какое-то время они оказались у подножья гигантского монумента. Огромная каменная гиена смотрела на них своим немигающим взглядом. Фигура в плаще вошла в узкий проход меж лапами чудовища, поднялась к его груди и исчезла.

- Кром! - прошептал пораженный Конан. Он был варваром и потому смертельно боялся всего сверхъестественного.

Однако вскоре загадка эта была разрешена. Стоило им подойти к каменной груди чудовища, как они заметили трещинку, что становилась все тоньше. Они стояли пред огромной, в два человеческих роста, дверью, что захлопывалась буквально у них перед носом.

Конан метнулся вперед и вставил в щель свой клинок. Гигантская дверь замерла. Напрягшись изо всех сил, так что пот выступил на его лбу; Конан попытался потянуть дверь на себя. Щель стала пошире, и он смог просунуть в нее пальцы.

Дверь со скрипом открылась. Конан поднял свой меч и, ни минуты не раздумывая, вошел внутрь. Остальным не оставалось ничего иного, как только следовать за ним. Последним в дверь вошел друид, видно было, что делает он это нехотя.

Воина-гандерландца Конан отослал назад, напутствовав его такими словами:

- Торус, слушай! Разопри дверь своей пикой и беги в лагерь. Пусть Паллантид ведет сюда все наше войско. Да смотри - нигде не задерживайся! Мы отправимся вперед - ждать вас мы не будем.

Они оказались в просторном коридоре с высокими сводами. Пламя факела тревожно затрепетало. Конан и его спутники осторожно двинулись вперед, боясь попасть в западню или засаду. По широкой каменной лестнице, которой заканчивался коридор, они спустились вниз и оказались под землей.

- Клянусь Митрой, - именно поэтому мы никого не встретили! - прошептал Тросеро. - Все колдуны спрятались здесь - в этом подземном лабиринте!

Это действительно был лабиринт. Подземные коридоры то и дело разветвлялись, образуя запутанную сеть. Чтобы не заблудиться, Конан при каждом повороте делал смолистым факелом отметку на стене. Они шли все дальше и дальше вперед, но коридоры оставались все так же пусты. "Где же скрываются эти проклятые колдуны?" - подумал Конан и сказал вслух:

- Мы все идем и идем, а этим коридорам и конца не видно! Если правы те, кто утверждает, что земля круглая, мы скоро окажемся на другой ее стороне!

Они вновь подошли к лестнице. Стоило им спуститься по ней, как Тросеро испуганно прошептал:

- Мой господин, может быть, нам все-таки стоит дождаться других?

- Может быть и стоит, - угрюмо ответил ему Конан. - Но прежде я хочу хорошенько осмотреть это место. Воины скоро подойдут, нам же пока, как видишь, опасаться некого. Идем!

Они стояли в огромной круглой зале, схожей с амфитеатром. Повсюду виднелись каменные скамьи. Конан поднял факел высоко вверх, но так и не смог рассмотреть центра залы. Ему вдруг вспомнился огромный ипподром в его столице Тарантии.

- Интересно, - для чего им эта штука? - озадаченно пробормотал он.

Тросеро хотел было что-то ответить ему, но тут вдруг раздался совсем иной голос. Это был низкий, полный силы голос, в котором звучали торжествующие нотки.

- С помощью этой штуки, Конан Аквилонский, мы избавляемся от наших врагов!

Конан вздрогнул. Прежде чем он успел двинуться, вспыхнул холодный искусственный свет, который был едва ли не столь же ярок, как свет солнца, хотя и не имел видимого источника. Киммериец увидел, что на скамьях, стоявших по другую сторону залы, сидят сотни и сотни одетых в черное людей. Справа от них зияла огромная арка, что была ничуть не меньше той двери, через которую они проникли в подземелье.

Прямо перед ними на огромном троне, вырезанном из черного камня, восседал крупный человек, одетый в простую зеленую рясу. Видно было, что это чистокровный стигиец, - хищное лицо его казалось вырезанным из бронзы, темные глаза смотрели на людей едва ли не брезгливо.

- Добро пожаловать в мою империю, - усмехнувшись, сказал Тот-Амон.

Если бы Конан знал, что Торус, которого он послал за подкреплением, лежит, истекая кровью, в сотне метров от черного сфинкса, пронзенный стигийской стрелой...

9. ОРУЖИЕ СТИГИЙЦЕВ

Паллантид не успевал отдавать команды. Со всех сторон звучали трубы и гремели копыта.

Стоило Конану и его спутникам исчезнуть за каменной дверью, как дела приняли дурной оборот. Все началось с предательства кофанского и офирского легионов. Палатки их стояли на самом краю лагеря. Дозорные один за другим подбегали к генералу, докладывая ему о том, что все кофанцы и офирцы внезапно покинули лагерь, то ли поддавшись панике, то ли заранее решив покинуть аквилонское воинство.

Паллантид принялся ругаться на чем свет стоит. Он отдал приказ поднять взвод кавалерии и нагнать предателей, но тут вдруг оказалось, что аквилонцы остались без коней, - на них бежали пешие легионеры Кофа и Офира.

В это время в лагере появился один из гандерландцев, который передал генералу приказ Конана о снаряжении отряда, что должен был направиться вслед за своим королем. Не успел Паллантид отправить людей, как к нему подбежал еще один запыхавшийся дозорный.

- К оружию, мой господин! Мы окружены! Стигийцы идут на нас со всех сторон!

Из-за барханов, окружавших лагерь, на поле выехало множество вражеских лучников. Понять сколько их было невозможно. Они с диким воем носились вокруг лагеря, засыпая его стрелами. Стигийцы стреляли наудачу, однако стрелы их тут же унесли с десятков жизней. Лагерь наполнился криками и стонами.

На вершине одного из барханов появился взвод лучников, стрелявших огненными стрелами. Подобно кометам прорезали они ночную темень. Одна за другой стали вспыхивать палатки.

Аквилонские воины по большей части уже не спали, - их разбудила суета, возникшая при известии об измене. Задыхаясь от дыма, они выходили из своих палаток, на ходу надевая шлемы и перевязи.

- Тушите огонь! - закричал Паллантид. - Сворачивайте палатки! Сenvульф! Где ты, черт бы тебя побрал?!

- Я здесь, - ответил стоявший рядом с ним капитан боссонских лучников. Где король?

- Бог его знает! Он отправился по следу шпиона! Расставь своих людей вокруг лагеря и заставь их поупражняться в стрельбе. Пусть обратят особое внимание на тех, что стреляют огненными стрелами. Амрик!

- Я здесь, мой генерал!

- Пусть твои люди, вооружившись пиками, окружат боссонцев. Надеюсь, брустверы они и без моей помощи выроят.

Тот-Амон зловеще улыбнулся.

- Слишком уж часто ты переходил мне дорогу, киммериец, - сказал самый страшный колдун Земли. - Впервые ты ступил на эти земли сорок лет назад. Я должен был раздавить тебя еще тогда, когда ты был немощен и мал. Знай я тогда, с кем я имею дело, и я уничтожил бы тебя одним движением мизинца. Я мог это сделать в доме Кальяна Публике или в столице Зингары Кордаве, когда ты помешал мне стать ее правителем. Я мог убить тебя в крепости графа Валенсо, что стояла на самом берегу Западного Моря, где я увидел тебя впервые. Мог я тебя уничтожить и в бытность свою рабом Аскаланта из Тарантии, - тогда ты только начинал править Аквилонией, - верно? Как видишь, просчетов я допустил немало, но ничего - это дело поправимое.

Конан отдал факел Тросеро и сложил на груди свои могучие руки. Лицо его оставалось бесстрастным, глаза же сверкали синим пламенем.

- Ты можешь говорить что угодно, стигиец. В конце концов каждый имеет право на свое мнение, - спокойно заговорил Конан. - И все же для того, чтобы заманить меня сюда, ты

истратил едва ли не все свои силы, - верно?

Со скамей послышались шипение и полные возмущения крики. Тот-Амон сардонически рассмеялся.

- Ну ты и пес! Твое спокойствие восхищает меня так же, как моих собратьев возмущает твоя дерзость! Но поверь мне, - теперь тебе уже никто не поможет. Ты заслужил наказание - слишком уж часто ты мешал мне. Будем считать, что наша комедия подошла к концу. В ловушку попал не только ты, в ловушке оказалась и твоя армия. Пока мы любезничаем, мои воины сражаются с твоими людьми. Аквилонским рыцарям не устоять против наших сабель. Сегодня погибнет не только король, - вместе с ним исчезнет с лица земли и его воинство.

Конан пожал плечами.

- Как знать. Боюсь, мои рыцари изрубят твоих людей как капусту. В этом я несколько не сомневаюсь.

- Ты забываешь о том, что мы вооружены не только саблями...

Тот-Амон улыбнулся и щелкнул пальцами. Из пальцев его вырвалась изумрудная молния, пронзившая меч Тросеро. Сталь мгновенно раскалилась докрасна. Тросеро, вскрикнув, выронил меч из рук и сунул обожженные пальцы в рот

- На нашей стороне и магия, - закончил Тот-Амон.

Конан смотрел на Тот-Амона так же бесстрастно.

- С магией возможно бороться магией, - тихо сказал он.

Крошечный человечек, стоявший рядом с Конаном, сбросил со своих плеч темный плащ, прикрывавший его белую мантию и дубовый посох. На трибунах поднялся переполох.

- Это Белый Друид из страны Пиктов! - громко сказал кто-то.

- Верно, - мрачно кивнул Тот-Амон. - Если мне не изменяет память, то это никто иной, как Дивиатрикс.

- Дивиатрикс!- испуганно вскричали с трибун. Верховный маг жестом руки успокоил своих собратьев. На Конана и его товарищей устремились взгляды сотен глаз. Установилось напряженное молчание.

Конан почувствовал, как по спине его поползли мурашки. Сердце его стало наполняться смертельным хладом. Члены его онемели, зрение стало слабнуть, сердце билось все реже и реже. Юный Конн охнул и зашатался.

- Колдовство... - почти беззвучно прошептал Конан. Все вокруг него поплыло, - еще минута, и он должен был грохнуться наземь...

10. БЕЛЫЙ ДРУИД И ЧЕРНЫЙ МАГ

И тут друид рассеял колдовские чары. Он развел руки в стороны и взмахнул своим дубовым посохом. К изумлению Конана, посох вдруг покрылся нежной листвой. Дивиатрикс стоял в центре пульсирующей золотой сферы. В воздухе запахло молодой зеленью. Золотистый свет и благоуханье заполнили собою всю залу.

Маги Черного Кольца в страхе отвернулись. Иные из них вытирали с лица пот. Дивиатрикса стало пошатывать, - похоже, хмель все же ударил ему в голову. Однако не взирая ни на что этот маленький тщедушный человечек продолжал держать залу под своим контролем.

Тот-Амон уже не смеялся, - сведя брови, он пытался сконцентрироваться. Неожиданно он поднялся во весь свой рост и послал в сторону Белого Друида изумрудную молнию. Дивиатрикс отразил ее своим посохом, и она превратилась в сноп шипящих искр, которые тут же погасли.

Однако Тот-Амон не унимался - он метал в друида все новые и новые молнии. Воодушевленные примером своего предводителя, маги один за другим подымались на ноги, и вскоре на друида посыпался настоящий изумрудный ливень. Какое-то время золотой пульсирующий щит ауры защищал друзей, но чувствовалось, что Дивиатрикс уже начинает

слабнуть. Все чаще и чаще изумрудные молнии впивались в песок у самых ног Конана и его товарищей.

- Белой магии недостает силы, киммериец! - радостно воскликнул Тот-Амон.

- Значит, настало время прибавить ей сил! Конан вынул из-за пояса маленькую шкатулку и достал из нее кроваво-красный кристалл, тут же наполнивший залу ослепительным сиянием. Конан передал камень Дивиатриксу, и тот схватил его так, как утопающий хватается за руку спасателя.

Стоило друиду взять камень, как золотая аура вспыхнула с невиданной силой, ослепив своим блеском колдунов. Крики ужаса раздались с трибун, - кто-то пытался бежать, кто-то, заслонив от света глаза, падал замертво. Белый Друид исполнился нечеловеческой силы, - теперь он казался огромным. Визг не затихал. Маги теснились в узких проходах, пытаясь поскорее покинуть залу.

Сердце! воскликнул Тот-Амон, смертельно побелев. В одно мгновение он превратился в дряхлого старика. -- Сердце Ахримана! вновь горестно возопил он.

Конан рассмеялся.

- Ты думал, что я приду в твоё логово без этого талисмана? Наверное, ты считаешь меня все тем же глупым юнцом, который сорок лет назад покинул Север и отправился скитаться по свету!

Все эти годы Сердце хранилось под сводами Митраэума. Когда друид поведал мне о твоих коварных замыслах, я послал гонцов за ним и за старшим своим сыном. С этим амулетом старый Дивиатрикс сможет одолеть и тысячу твоих магов.

Я знаю, почему ты так жаждал заполучить его, - ты боялся, что кто-нибудь сможет использовать его против тебя. Именно для этого Боги Запада послали этого друида в пустынные стигийские земли. Никто, кроме него, не сможет устоять перед соблазном, исходящим от этого камня, - еще бы! Владеющий им подобен богу! Лишь Дивиатрикс, этот маленький пьянчужка, способен исполнить волю богов!

Лицо Тот-Амона искривилось гримасой боли, руки его безвольно повисли. Многие маги были уже мертвы, прочие носились по зале в поисках выхода, а золотое сияние становилось все сильнее и сильнее...

Однако Тот-Амон и не думал сдаваться. Конан, ужаснувшись, увидел, что мага стала завлакивать тьма, обнимавшая его огромными змеиными кольцами. Неужто сам Сет решил прийти на помощь своему верному слуге? Тяжело дыша, Тот-Амон пробормотал;

- Ты заставляешь меня прибегнуть к силе, киммериец...

Темные кольца вокруг него стали сгущаться; теперь были видны только его горящие глаза. Конана бросило в дрожь, когда он услышал страшное заклинание, слетевшее с уст мага. Странные и страшные эти словеса отразились эхом от каменных сводов.

Теперь все взгляды были устремлены на черный провал в дальнем конце залы. Тьма неожиданно пришла в движение. Тот-Амон радостно засмеялся.

11. ИСЧАДИЕ ТЬМЫ

Из провала медленно выходило что-то темное. Понять что это Конан не мог, ибо движущееся темное пятно казалось ему продолжением тьмы провала. Однако пятно это не было и тенью, ибо земля под ногами неведомого чудовища тяжело содрогалась.

- Кром! - прошептал потрясенный Конан. Товарищи его при виде этого чудовищного зрелища испуганно отступили назад.

- Да помогут нам боги! - простонал Дивиатрикс. - Это и есть то существо, которое люди изваяли в камне! Адские твари, подобные этой, слишком тяжелы для нашей земли. Подумать страшно, - сколько столетий оно ждало этой минуты! Теперь мы можем надеяться только на Владык Света, - даже Сердце Ахримана не позволит мне совладать с этим Исчадием Тьмы,

порождением самого Хаоса!

Конан обвел взглядом усеянные трупами скамьи. Все маги, включая самого Тот-Амона, покинули залу, убоявшись зверя, пробудившегося от многовекового сна.

- Скорее наверх! - прокричал Конан. - Тросеро, дай мне факел! Бежим! Бежим!

Они понеслись вверх по лестнице и вскоре уже бежали по разветвленным запутанным коридорам. Конан то и дело посматривал по сторонам, надеясь обнаружить какой-нибудь узкий проход, в который не смогло бы протиснуться черное чудовище. Однако все коридоры были одинаково широки, похоже, лабиринт строился именно для чудища.

Надеяться им было почти не на что. Громыхая сапогами, Конан несся по бесконечным коридорам, призывая на помощь бесстрастных богов своей холодной родины.

Вскоре вокруг лагеря выросли укрепления из песка и всевозможного скарба, которые хоть как-то защищали вооруженных острыми пиками гандерландцев, рыцарей Аквилонии и Пуантена и метких боссонских лучников. Стоило стигийской армаде приблизиться к лагерю, как лучники, поднимаясь во весь рост, осыпали их таким морем стрел, что стигийцы немедленно отходили назад. Тяжелые аквилонские стрелы легко пронзали тонкие кольчуги врага, и вскоре возле укреплений лежали уже целые горы вражеских трупов.

Паллантид был настроен крайне мрачно. На востоке уже занимались сумерки, но грядущий день не сулил его армии ничего хорошего. Оставшиеся без конницы аквилонцы не могли нанести превосходящему их числом противнику ответного удара, - стигийская кавалерия тут же разгромила бы пехотинцев.

Свои позиции им пока удавалось отстоять, но с рассветом у стигийцев должен был появиться могущественный союзник - раскаленное солнце пустыни. Запасы воды подходили к концу, о том же, чтобы прорваться к берегам Бахра, не могло идти и речи.

Запаса стрел должно было хватить еще на час-другой. Даже при самом удачном стечении обстоятельств аквилонцы могли продержаться разве что до вечера.

И тут генерал увидел нечто странное. Стигийская армада, неистово кружившая вокруг лагеря, неожиданно стала отходить, - всадники поскакали в направлении Черного Сфинкса. Не прошло и получаса, как стигийское воинство скрылось за барханами.

Паллантид тут же послал вслед за ними известного своей проворностью воина. Тот взобрался на высокий бархан, стоявший поодаль, и вскоре уже был в лагере.

- Нет, генерал, - возвращаться они пока не думают. Все их воинство собралось у этой отвратительной статуи. Они слушают своих полководцев. Но, похоже, долго отдыхать нам не придется, - если я не ошибся, среди них появились всадники, одетые в черную броню.

Паллантид обернулся на свое воинство. Люди завтракали как ни в чем не бывало.

- Возможно, мы и отобьем первую их атаку, - тихо сказал Паллантид Сенвульф и Амрику. - Но я несколько не сомневаюсь в том, что за первой атакой последует и вторая. На передний край обороны мы должны выставить рыцарей, одетых в латы...

Генерал вдруг почувствовал всю безнадежность их теперешнего положения. Спасти их могло разве что чудо...

И куда же запропастился Конан?

12. ПИРШЕСТВО ЧЕРНОГО ЗВЕРЯ

Каменная дверь со скрипом отворилась. На пороге показался огромный Конан, державший в руках факел. За ним стояли принц Конн, граф Тросеро и друид Дивиатрикс, сжимавший в кулаке Сердце Ахримана.

Свет звезд начинал меркнуть. Люди стояли в узком проходе меж лапами каменного чудища, каждая из которых была высотой в два человеческих роста. Перед ними расстилалась пустыня, кое-где поросшая чахлыми кустиками верблюжьей колючки.

Впереди не было видно никого и ничего, однако с другой стороны - откуда-то из-за каменной лапы - слышались поскрипывание седел, бряцание оружия, пофыркивание верблюдов и человеческие голоса. Громче всех звучал голос стигийского генерала, призывавшего своих воинов не щадить врага, осквернившего своим появлением святые земли Стигии. Голос его отражался эхом от каменной громады.

Приложив ладонь к уху, Конан прислушался, - из подземелья послышались тяжелые шаги гиеноголового чудовища.

- Оно идет за нами, - прошептал он. - Вперед нам тоже идти нельзя, похоже, Тот-Амон собрал здесь всю свою армию. Если мы попытаемся бежать, они тут же заметят нас...

Земля стала подрагивать. Где-то за Черным Сфинксом запели трубы и забили барабаны. Стигийское воинство пришло в движение.

Конан затушил факел и жестом пригласил спутников следовать за ним. Едва люди вышли из каменного коридора, как в темном проеме появилась чудовищная гиена. Остановившись на пороге, зверь стал принюхиваться.

- Смотрите, - там овражек! - прошептал Конан, указывая вперед. - Бежим!

Они метнулись в сторону и, скатившись на дно неглубокого овражка, залегли, боясь пошевелиться. Чудовище медленно пошло вслед за ними. И в тот же миг из-за левой лапы каменного истукана выехали передовые колонны стигийцев. Чудище стояло в нескольких метрах от них.

Ночь наполнилась криками, полными ужаса. Град стрел и копий полетел в черного зверя.

Чудовище заревело и бросилось на стигийцев. Оно давило людей своими страшными лапами и рвало в клочья их коней и верблюдов, справляя свой ужасный пир. Кони, обезумев, сбрасывали с себя седоков, которые тут же оказывались в пасти черного зверя. Генерал попытался было остановить своих объятых паникой людей, но те уже не слышали его, - армия стигийцев пустилась в бегство-Черный зверь носился по полю, давя людей сотнями. Он все убивал, и убивал, и убивал...

Едва над горизонтом показалось солнце, чудище поспешило в свое подземное логово. Каменная дверь с глухим стуком закрылась.

Конан и его спутники, все это время лежавшие на дне овражка, направились к лагерю. Аквилонцы, приготовившиеся к последнему бою, встретили их радостными криками.

Часть имущества сгорела во время ночного пожара. От стрел стигийцев погибло несколько десятков воинов. Раненых же было куда больше.

Конан и Паллантид приказали своим воинам изловить коней и верблюдов, бродивших вокруг лагеря, и собрать брошенный стигийцами скарб. Армия готовилась к новому походу.

Белый Друид, так и не выпускавший из рук Сердце Ахримана, занялся исследованием духовного плана. Очнувшись от транса, он сообщил Конану, что Тот-Амон покинул Нептху и направился на юго-восток, в таинственное царство Зимбабве.

Армия была готова к выступлению. Рыцарские латы были заменены на легкие кольчуги, не обременявшие низкорослых стигийских лошадок своим весом. Части воинов пришлось пересечь на верблюдов.

Конан тоже сел на верблюда, обхватив его передний горб ногами.

- Еще бы я не знал, как это делается! - довольно посмеивался он. - Кто как не я командовал кочевниками Зуагира! Если с верблюдом обходиться по-доброму, он и коня переплюнет.

Прищурившись, он посмотрел на затянутый белесой дымкой горизонт. Сидевший в своей повозке Дивиатрикс блаженно улыбался. Он вновь был пьян.

- И все же Владыки Света нас не оставили, король! - громко воскликнул друид и, повернувшись к Конну, ехавшему на стигийском пони, попросил у него меч.

Конн передал Дивиатриксу свой клинок, и тот указательным пальцем правой руки начертил на нем несколько рун, чудесным образом запечатлевшихся на его булатной стали.

- Что это? - изумился Конн, взяв меч в свои руки.

Дивиатрикс хитро заулыбался.

- Ничего не спрашивай, мальчик. С тебя достаточно будет и того, что прошлой ночью мне посоветовали это сделать. Мне было сказано, что руны эти тебе помогут. Ну а теперь, позвольте мне откланяться!

К Конану подъехал его боевой генерал Паллантид.

- Армия готова к маршу, Ваше Величество! - доложил он.

- Чего же ты ждешь? Давай команду к выступлению!

- Позвольте узнать, - куда же мы теперь направляемся? - ехидно осведомился Тросеро.

Конан широко улыбнулся, блеснув белоснежными зубами.

- В Зимбабве, - куда же еще?! Если понадобится, то мы отправимся и на край света! Над пустыней запели трубы.

АЛАЯ ЛУНА ЗИМБАБВЕ

1. ЗЕЛЕНый АД

Пуантенский граф Тросеро едва не вывалился из седла, когда его коренастая лошадка поскользнулась в очередной луже. Одной рукой он держал поводья, другой - отмахивался от назойливых moskitov, вьющихся роем над его головой. Граф еле слышно чертыхнулся. Позади раздалась отборная ругань, - конь Паллантида, командующего аквилонской армии, ехавший следом, поскользнулся в той же самой луже.

Тросеро с тоской во взоре посмотрел на низкие мрачные тучи. На небе не было ни просвета. С обеих сторон тропы стеною вставали заросли высокого - в два человеческих роста - тростника. Кони уныло месили грязь, то и дело увязая в зловонной жиже. В сезон дождей равнины Зимбабве превращались в сплошное непроходимое болото.

Дожди должны были прекратиться только через две недели. За пару дней солнце высушило бы болото, превратив его в выжженную пустошь, а грязь обратилась бы в плотную как камень корку. Однако все это должно было произойти только через две недели...

- Похоже, скоро дождь пойдет, - сказал Тросеро. Генерал хмуро взглянул на небо.

- Ну у тебя и шутки, граф! - буркнул в ответ генерал. - Он идет уже десять дней кряду. У меня от него уже кольчуга заржавела! Интересно, - сколько же мы будем так идти?

Тросеро улыбнулся.

- Спроси у Конана. Осторожно, - змея!

Через тропу беззвучно ползла огромная, толщиной в ногу, болотная гадюка. Едва она скрылась в зарослях, кони тронулись с места.

- Это треклятое болото у меня вот где уже стоит! - проворчал генерал. Жаль, нет с нами этого старикашки друида! Он бы нас в Старое Зимбабве по воздуху перенес, и мы не месили бы эту грязь своими ногами! Половина коней и верблюдов уже издохла, болотной лихорадкой заболел едва ли не каждый второй. Одного не могу взять в толк, - если мы даже и дойдем до Заповедного Города, то как же мы будем, черт его подери, сражаться?!

Тросеро пожал плечами. Поход длился уже больше месяца. Вначале войско шло вдоль восточных границ Стигии, следуя вверх по Стиксу. Затем река резко повернула на юг и они оказались на равнинах, населенных шемскими кочевниками заугирами, перегонявшими с места на место огромные стада овец и верблюдов.

Покинув пределы Стигии, войско оказалось меж землями Кешана и Пунта. Пустыня сменилась поросшими буйными травами саваннами; стали появляться и деревья. На юге Пунта берега Стикса обратились в непроходимые топи, и войску пришлось забирать далеко влево,

чтобы обойти их. Теперь же они приближались к границам таинственного Зимбабве.

Тросеро то и дело поминал Белого Друида Дивиаатрикса, хотя был человеком образованным и в чудеса не верил. Там, в древней стигийской столице, этот старый пропойца смог справиться с доброй сотней магов. Если бы не он, песенка аквилонцев уже была бы спета. Черного Кольца больше не существовало, хотя Тот-Амону и удалось бежать в покрытое непроходимыми джунглями Зимбабве. Граф никак не мог взять в толк, чего ради Конан с таким остервенением преследует стигийца, - маг есть маг и совладать с ним могут только маги...

И все же Конан решил положиться на собственные силы, словно забыв о том, что там, в Нептху, его спасли от смерти Белый Друид и Сердце Ахримана.

Впрочем, Тросеро знал и о том, почему Конан отпустил Дивиаатрикса.

Деканаватха, вождь суровых пиктов, погиб в сражении. Преемник же его Сагояга был полон честолюбивых замыслов, - он решил собрать племена пиктов и лигурийцев, дабы захватить западные провинции Аквилонии. Единственным человеком, способным остановить Сагоягу, был Белый Друид.

Дивиаатрикс покинул аквилонское воинство еще в Стигии. С собою он захватил и Сердце Ахримана, с тем, чтобы отвезти его в Тарантию и вернуть жрецам великого Митраэума. Конан волшебником не был, и потому талисман этот вряд ли смог бы помочь ему.

Прежде чем покинуть аквилонцев, друид с помощью волшебства смог узнать, где же скрывается Тот-Амон. Северные союзники мага - гиперборейское братство Белой Руки - были уничтожены аквилонцами за год до этого. Восточный Альй Круг со смертью своего правителя Пра-Юона, царствовавшего в легендарном Ангкоре, также распался.

Заповедный Град Зимбабве был единственным местом на Земле, куда мог отправиться Тот-Амон. Городом этим правил страшный Ненаунир, жрец Дамбаллы, под началом которого было три миллиона черных варваров. Туда-то и бежал Тот-Амон. Туда же направлялся и Конан.

2. ЧЕРНЫЕ КРЫЛА СМЕРТИ

Как и предполагал Тросеро, Конан объявил о привале лишь с наступлением сумерек. К счастью, неподалеку от тропы высился зеленый холм, и воинам не пришлось вновь ночевать на болоте. Лагерь решено было разбить на его вершине.

Вскоре на склонах холма уже весело потрескивали костры. Усталые, опухшие от укусов москитов аквилонские воины, чертыхаясь, чистили своих лошадей и пытались высушить у костров раскисшие сапоги. У подножья холма расхаживали дозорные. Отовсюду слышался скрежет и лязг оружия, люди пытались очистить его от ржавчины.

Черный шатер короля стоял на самой вершине. Королевский штандарт свисал с шеста темной сырой тряпкой.

Внутри шатра над чашей с горячей водой стоял Конан, пытавшийся смыть с себя пот и въевшуюся в поры грязь.

Владыке Аквилонии было уже под шестьдесят, однако возраст и известная праздность его нынешней жизни почти не сказались на нем. Время смогло разве что посеребрить его темные волосы и усы, да покрыть морщинами его загорелое обветренное лицо, мышцы же его при этом ничуть не утратили своей былой силы. Пока король вытирал досуха свое тело, пажи накрыли на стол ужин, предназначенный для него и принца Конна. Ужин этот состоял из вареного мяса и черствого хлеба. Запасы вина давно уже вышли, и воины, и король утоляли жажду водой из болота. Конан, памятуя о совете старого мудреца Алхемида, заставлял своих воинов пить только кипяченую воду. Воины недовольно ворчали, однако не смели послушаться своего короля.

Набросив на плечи просторную мантию, Конан отпустил пажей и приступил к трапезе. Бесконечное путешествие по знойным пустыням, непролазным джунглям и бескрайним болотам уже начинало утомлять и его. Впрочем, усталость эта никоим образом не влияла на его

решимость раз и навсегда покончить с заклятым своим врагом.

Помимо прочего, в путешествии этом Конан, как ни странно, отдыхал душой, он оставался все тем же бродягой, пиратом, искателем приключений, которого тяготили и утомляли жизнь во дворце и дворцовые увеселения.

В шатер вошел принц Конн. Конан промычал что-то невразумительное и жестом пригласил мальчика к столу.

- Как наши скакуны? - взявшись за следующий кусок мяса, спросил Конан.

- Я их уже почистил, отец. Твой верблюд едва не укусил меня.

- Значит, ты чем-то его обидел. Принц Конн вздохнул.

- Как жаль, что с нами нет вороного Имира.

- Конечно жаль. Но ничего, - когда мы вернемся назад, я его непременно отыщу, пусть даже для этого мне придется прочесать и Коф, и Офир.

Аквилонцы потеряли своих коней у стен Нептху, - дезертиры из кофанского и офирского легионов увели их с собой. Воинам Конана пришлось пересесть на стигийских лошадок и верблюдов; кроме того, несколько десятков верблюдов было куплено у зуагиров.

Конан любовно смотрел на сына, - мальчик походил на него буквально во всем. Он был не только похож на него, но и перенял все его манеры. Конн был уже выше большинства взрослых аквилонцев, хотя отцу своему все еще был по плечо.

Во время зингарской кампании мальчик оставался со своей матерью в Тарантии. Когда же Конан понял, что ему придется идти войной на Стигию, он послал в свою столицу гонцов, что вернулись назад с магическим талисманом, носившим имя "Сердце Ахримана", и с его старшим сыном, принцем Конном.

С тех самых пор Конан не отпускал от себя мальчика ни на шаг, хотя советники и корили его за это, говоря, что тем самым король подвергает неоправданному риску своего наследника. Конан не придавал их словам никакого значения, ибо считал, что будущий король Аквилонии должен вырасти настоящим мужчиной, но никак не изнеженным слюнтяем, способным разве что помыкать другими. Воинскому же искусству следовало учиться именно на поле боя, а не в стенах дворца.

Покончив с трапезой, Конан предложил сыну пройтись. Король хотел увериться в том, что воинству его ничто не угрожает. Он сбросил с себя мантию и надел промасленную кольчугу прямо на голое тело. Надев начищенные до блеска сапоги и кожаную перевязь, Конан вслед за сыном вышел из шатра. Не успели они сделать и пары шагов, как в лагере поднялся невообразимый шум.

Запели трубы, заржали кони, послышался топот сотен ног. Но заглушало все эти звуки странное гудение, доносившееся неведь откуда. Так гудели паруса галеона, когда они наполнялись настоящим ветром, - звук этот был знаком Конану со времени его морских походов с барахскими флибустьерами и зингарскими пиратами.

Над горизонтом, объатым туманной дымкой, уже стоял месяц. На небосводе одна за другой загорались звезды. Прямо же над их головами кружили огромные крылатые тени, похожие на гигантских летучих мышей.

3. ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ДАЛЕКИХ ВРЕМЕН

Конан замер от изумления. Лучники, стоявшие рядом с ним, целили в небо. Прямо на них неслось черное чудовище с телом большим как у льва, изогнутой длинной шеей и змеиной головой. Чудище раскрыло пасть усеянную острыми как иглы зубами; глаза его полыхали адским пламенем.

Сложив крылья и выпустив когти, чудище падало прямо на людей. Боссонцы выпустили в него свои стрелы, и крылатая тварь, хрипло закричав, вновь взмыла в небо. Человек, сидевший

на ней, упал у самых ног Конана. Это был высокий мускулистый негр. Его набедренная повязка была сделана из обезьяньей шкуры, на плечи был брошен плащ, сшитый из шкур леопардов. Из груди негра торчала пара боссонских стрел.

- Клянусь кровью Крома, - они смогли приручить этих тварей! - воскликнул пораженный Конан. - Метьте в седоков!

На них летело сразу несколько монстров, и на спине у каждого было по черному седоку. Черные наездники стали метать в аквилонцев копия. Одна из тварей схватила в свои когти насмерть перепуганного коня, но тут же в нее вонзился десяток стрел, и она, выпустив из лап добычу, полетела, тяжело махая крыльями, куда-то в сторону.

Паллантид едва успевал раздавать команды. Часть людей обороняло лагерь, прочие же пытались успокоить обезумевших от страха коней и верблюдов.

Конан неотрывно смотрел на небо. Об этих крылатых тварях ему доводилось слышать и раньше. Они жили еще в ту эпоху, когда землей правили ящеры. Об этих же тварях говорилось и в древних мифах, - там они назывались драконами.

На них, широко расставив свои страшные лапы, неслась еще одна крылатая тварь. Издав боевой крик, Конан неожиданно сбил с ног своего сына и, взявшись за рукоять меча обеими руками, взмахнул им с такой силой, что едва не перерубил шею гнусной твари. Зловонная кровь хлынула из раны рекой. Сбив Конана своим огромным крылом, монстр пролетел еще несколько десятков метров и камнем рухнул прямо в костер, разметав горящие уголья по всему лагерю. Животное забилось в предсмертной агонии, седок же его, едва успев соскочить со змеиной спины, тут же упал наземь, пронзенный десятком стрел.

Поднявшись на ноги, Конан наблюдал за агонией дракона. Так вот откуда берет начало легенда о крылатых воинах Зимбабве! Путники, побывавшие в этом краю, рассказывали ему и о высоченных башнях заповедного города, что не имели ни дверей, ни окон, с которых воины и слетали, словно птицы.

Жителям Зимбабве как-то удалось приручить этих тварей, что заменили им коней. Черные воины были почти неуязвимы, - разве могли сравниться с ними те, кто был прикован к земле?

Крылатые чудовища одно за другим слетали к земле и тут же вновь взмывали в небо, унося в своих лапах людей и животных. Луна скрылась за горизонтом, и в наступившей тьме драконов не могли поразить даже боссонские лучники.

С именем киммерийского бога на устах король

Аквилонии принял командование на себя. Но не успел он отдать и пары команд, как что-то налетело на него сзади. Драконьи лапы сомкнулись у него на спине и оторвали его от земли.

Удар был столь сильным и неожиданным, что Конан выронил меч из рук. Он попробовал нащупать рукой кинжал, обычно висевший у него на поясе, но тут же вспомнил о том, что тот так и остался на столе в его шатре. В спешке он и не вспомнил о нем.

Конан посмотрел вниз и тут же понял, что теперь ему не помог бы и меч. Он был уже высоко над землей. Оставалось благодарить Крома хотя бы за то, что он не забыл надеть кольчугу.

Снизу раздался хриплый голос Амрика:

- Не стрелять! Не стрелять!

Конан вновь посмотрел вниз, и тут же голова его пошла кругом. Под ним парил дракон, сжимавший в когтях его сына, принца Конна.

- Король! - раздался снизу крик сотен воинов.

Лагерь остался позади, теперь они летели над объятymi тьмой землями. Второй дракон поравнялся с первым, и теперь они летели бок о бок. На спине у крылатого чудовища сидел черный воин в головном уборе из страусиных перьев. Одной рукой он держал поводья, в другой

сжимал огромное копьё. (

Конан перевел взгляд на сына. Заметив это, тот помахал ему рукой. Конан помахал ему в ответ.

Драконы летели все дальше и дальше. Похоже, чудовище, сжимавшее в своих когтях Конана, стало выбиваться из сил, - несколько раз оно пыталось спланировать на землю. Но каждый раз раздавался громкий окрик его седока, и дракон вновь послушно взмывал ввысь.

Конана стало клонить в сон. Разумеется, драконьи лапы были не лучшим местом для отдыха, однако нельзя было сказать и того, что они уж слишком досаждали киммерийцу. Годы скитаний приучили Конана к тому, что при любых обстоятельствах следует довольствоваться тем, что есть, а не страдать того, что могло бы быть, - подобные терзания приводили бы лишь к ненужной потере сил. Силы еще могли ему пригодиться, судьбу же свою он доверил богам.

4. БАШНИ ЗАПОВЕДНОГО ГОРОДА

Конан проснулся от того, что ритм, в котором размахивал своими широкими крыльями дракон, как-то изменился. На востоке уже занималась заря.

Саванны сменились густым тропическим лесом, окутанным лиловыми сумерками. Прямо под ним петляла небольшая речка, поблескивавшая узкой темной ленточкой. За ней виднелись возделанные земли, за ними же вставала громада сказочного города.

Город был обнесен высокой каменной стеной, над которой поднималось с десятков высоких башен странного вида, походивших на огромные печные трубы. Присмотревшись внимательнее, Конан заметил, что у башен этих действительно не было ни окон, ни дверей. Более того, у них не было и крыш, - на их месте зияли черные провалы.

Конану стало как-то не по себе. Когда в руках его был меч, он не боялся никого и ничего. Сверхъестественное же во всех его проявлениях наполняло его душу страхом, ибо противник этот был неуязвим и неизъясним.

За долгие годы скитаний по миру, он прошел его и вдоль, и поперек. Он бывал и в покрытом вечными снегами Асгарде и в черных королевствах, лежавших к югу от Куша, он смотрел на великое Западное Море с пиктских берегов и бродил по просторам легендарного Кхитая, лежавшего далеко на востоке. Лет двадцать тому назад он побывал и в Зимбабве. Тогда он пришел в северную столицу королей-близнецов, чтобы отправиться на север вместе с караваном торговцев. Однако в заповедном Городе или Древнем Зимбабве ему так и не удалось побывать, - иноземцев туда не пускали.

Ни единожды он слышал о Заповедном Городе, затерянном в джунглях где-то на юге страны. Поговаривали, что тамошние жители поклоняются Древнему Змею Сету, именуемому ими Дамбаллой. Черные алтари Дамбаллы были залиты человеческой кровью. Слышал он и о том, что в ночь жертвоприношения луна тоже становилась алой, напитываясь кровью тех, кого приносили в жертву Древнему Змею.

Дракон стал медленно снижаться, описывая широкие круги над городом. Ни один из людей Запада не смог бы сказать, когда же был построен этот город. Вне всяких сомнений строился он много тысяч лет назад, в ту пору, когда, возможно, на Земле еще не было людей. Легенды говорили о том, что краеугольный камень Древнего Зимбабве был заложен жителями Валузии, полулюдьми-полузмеями, что были детьми Сета, Йига, чернокожего Хана и змеебородого Биатиса, правившего лесами и болотами древнего мира. Великий герой Кулл, положивший начало роду Конана, сокрушил змеиный народ, который вымер окончательно в эпоху Атлантиды и Валузии. С той поры уже минула целая вечность.

Впрочем, сейчас Конана это нисколько не заботило. Он думал о другом, - о том, что он вновь попал в тенета магов. Лучшего обиталища Тот-Амон не мог и придумать, - не случайно он пришеллизывать раны именно сюда.

"Похоже, - подумал Конан, - пришел час решающей битвы".

5. ТРОН ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧЕРЕПОВ

Они стали приближаться к вершине холма, на которой располагались разделенные вымощенной камнем площадью королевский дворец и храм Дамбаллы.

Площадь была взята в кольцо дюжими черными стражами, вооруженными щитами, обтянутыми кожей носорога, и копьями со стальными наконечниками. На их головах покачивались перья страусов, ибисов и фламинго. Поднятый драконовыми крылами ветер грозил сорвать с их голов эти пышные уборы, взвихривая клубы желтоватой пыли.

Крылатые ящеры опустили своих пленников наземь и, повинувшись командам своих седоков, тут же взмыли в небо. Долетев до верхушек двух башен, они скрылись из виду. Не свода глаз с драконов, Конан поднялся на ноги и помог встать своему сыну. Только теперь он понял, что странные эти башни были стойлами крылатых коней Зимбабве.

Король и принц стояли посередь площади, разглядывая стоявших плотным кольцом черных стражей с бесстрастными лицами, походившими на маски, вырезанные из эбенового дерева.

- Ну что, пес киммерийский, - слышали они насмешливый голос. - Вот мы и снова свиделись.

На Кована смотрели темные, горящие ненавистью глаза еге заклятого врага.

- Это наша последняя встреча, стигийский шакал, - мрачно ответил киммериец.

Тот-Амон стоял возле огромного трона из человеческих черепов, слепленных между собой темной смолой. Стигийский маг выглядел так же грозно, как и прежде, однако пытливые глаза Конана заметили в нём явные признаки старения. Лицо его покрылось густой сетью морщин; складки в уголках рта свидетельствовали не просто об усталости, но о крайнем изнурении. Некогда недвижные кошачьи глаза его теперь лихорадочно поблескивали. Могучее тело мага, скрытое изумрудной мантией, стало дряхлеть, - он стал горбиться, на животе же у него появилось небольшое брюшко.

Неужели силы Тот-Амона стали иссякать? Неужели он лишился той чудовищной энергии, что питала его вот уже много десятилетий? Казалось, что сатанинские силы, которым поклонялся колдун, оставили его после того, как Белый Друид с помощью Сердца Ахримана расправился с Черным Кольцом. Впрочем, все это можно было объяснить и иначе, - похоже, срок, отпущенный Тот-Амону, уже подходил к концу, - ему пора было расставаться со своей брэнной земной оболочкой. Во всяком случае казался он теперь стариком.

- Последняя, говоришь? - вновь раздался зловещий голос стигийца, говорившего по-аквилонски с едва заметным акцентом. - Ну что ж, - я не стану с тобой спорить. После этой встречи в живых останется только один из нас. В том же, что умереть суждено тебе, я несколько не сомневаюсь. Сказать нам друг другу уже нечего. Я убью тебя и твоего детеныша прямо на этом месте. Армию же твою, лишившуюся командующего, разгромят наши доблестные черные воины. Как видишь, Западу все же суждено пасть. Когда я сяду на аквилонский трон, миром станет править один владыка. И имя этого владыки - Сет! Ну а теперь готовься к смерти.

И тут раздался хриплый, полный возмущения голос.

- Клянусь Дамбаллой, стигиец, - похоже, ты забыл, кто здесь правит!

Конан перевел взгляд на Трон и только теперь заметил, что на нем сидит человек. Это был Ненаунир, верховный колдун Зимбабве, последний союзник Тот-Амона. Мускулистая намащенная маслом черная грудь Ненаунира поблескивала в лучах рассветного солнца. Гяза его холодно смотрели на людей.

Стигиец заметно смутился и - как показалось Конану - слегка побледнел. Конан почувствовал, что маги меж собой не слишком-то ладят. Теперь, когда черного братства Тот-Амона уже не существовало, коварный стигиец не мог рассчитывать ни на прежнюю роль, ни на

былое влияние.

Стигиец смущенно забормотал:

- Конечно, конечно, брат! Главный здесь ты. Но, - но планы-то у нас общие! Когда мы захватим мир, ты станешь править Югом, а я - Западом. Мы разделим мир и поднесем его к ногам отца нашего Сета...

- К ногам Владыки Дамбаллы, чьим пророком и наместником я являюсь! проревел черный колдун. - Помни о своем месте, стигиец. Боги уже отступились от тебя. Твое время ушло, и делить с тобою власть я не намерен. Если ты будешь вести себя хорошо, ты вправе будешь рассчитывать на место управляющего в одной из моих провинций. И помни - ты должен подчиняться мне во всем! Ну а с этим белым демоном я разберусь и сам.

Ненаунир говорил на одном из диалектов шемского языка, принятом у торговцев Юга. Стоило ему замолчать, как черные воины дружно ударили оземь древками своих копий.

Верховный колдун Зимбабве перевел взгляд на Конана. Аквилонский король стоял, сложив на груди свои могучие руки; рядом с ним, гордо подняв голову, стоял его старший сын.

- Белый пес, - прохрипел черный колдун, - как ты посмел ступить на мою землю? Мы уже встречались с тобой в замке Лахи. Тогда ты смог спастись лишь потому, что Лахи хотела одолеть с твоей помощью стигийца и, тем самым, захватить черный престол. Она просчиталась и погибла от твоей руки. Затем ты лишил сил стигийца, уничтожив его великое братство. Если ты думаешь, что я буду повторять их ошибки, то ты заблуждаешься. Тот-Амон мне не страшен, более того - он мне даже не нужен. Здесь все решаю я. Бежать же отсюда тебе не удастся.

Конан молча смотрел в ледяные глаза черного мага.

- Последняя наша встреча состоится в Ночь Алой Луны, - продолжил Ненаунир. - Когда твоя кровь потечет к подножью алтаря Великого Змея, она напитает, собою луну, душа же твоя исчезнет в пасти великого Дамбаллы!

- И когда же это произойдет? - спокойно спросил Конан.

Ненаунир отвернулся от него и громко позвал:

- Римуш!

- Слушаю вас, Ваше Величество!

Из-за трона выскочил маленький человечек в одеждах астролога. Судя по всему, он был уроженцем Шема.

- Когда наступит Ночь Алой Луны?

- Согласно моим вычислениям она наступит через двенадцать ночей. Ваше Величество!

- Ты все понял, белый пес? Ну а теперь бросьте их в темницу!

6. ЗАСТЕНКИ ЗИМБАБВЕ

Темницы древнего Зимбабве находились глубоко под землей. Отряд черных воинов вел Конана и мальчика бесконечными коридорами, тускло освещенными чадящими промасленными факелами. Глядя на странную форму сводов и диковинные пропорции подземных переходов, Конан лишней раз убеждался в том, что старые сказания были правдивы, - древний Зимбабве возводился не людьми, - его могло создать только змеиное племя. Подобные строения он видел только дважды: первый раз на зеленых равнинах Куша, второй - на Безымянном Острове, лежавшем в стороне от морских путей, в южной части великого Моря Запада, где не бывали ни купцы, ни пираты.

Камера, предназначавшаяся для них, была сырой и узкой. По черным, разъеденным временем камням стекали капли воды. Пол был устелен грязной гнилой соломой. Из-за решетки с громким писком выскочила огромная крыса.

Пленников бросили в камеру, и тут же тяжелая бронзовая решетка захлопнулась, зловеще залязгав запорами. Офицер запер дверь огромным ключом, и вскоре бесшумно ступавшие босые

воины исчезли в полумраке.

Стоило стражам удалиться, как Конан принялся ощупывать стены и пробовать на крепость позеленевшие от времени прутья решетки. Окон здесь не было, единственным источником света был факел, горевший в самом конце коридора.

Юный Конн, выбрав местечко посуше, сел на пол. Жажда и голод мучили его, но он старался держаться достойно, пытаясь во всем походить на своего отца. Тринадцатилетний принц больше всего на свете боялся того, что отец заподозрит его в малодушии.

Осмотрев всю камеру и убедившись в том, что бежать отсюда невозможно, Конан сгреб солому в угол и, позевывая, разлегся рядом с сыном, положив руку ему на плечо.

Помолчав с минуту, Конн спросил:

- Отец, что они с нами сделают? Конан пожал плечами.

- Я знаю лишь о том, что они собираются с нами сделать, - о том же, что произойдет на деле, ведают разве что боги. Не забывай о том, что добрая половина аквилонского войска сейчас направляется сюда. Представляю, как Паллантид их гонит! Пройдет целых двенадцать дней, прежде чем наступит Ночь Алой Луны. За это время произойти может многое.

Конн прошептал:

- Они хотят принести нас в жертву Сету?

- Да, им этого очень уж хочется, - ответил Конан. - Но эти черные скоты забывают, что это не в их власти, - подобные дела решаются богами или, как утверждают некоторые философы, всемогущей Судьбой, равно повелевающей и богами, и людьми. Что касается меня...

- Что ты хотел сказать, отец?

- Что касается меня, то сейчас я хочу спать, - что-то я прошлой ночью не выспался. - Конан зевнул и улегся поудобнее.

Мальчик вздохнул и улыбнулся. Пока отец был рядом, он чувствовал себя в полной безопасности. Отца его вряд ли можно было назвать оптимистом, - просто он привык не терзаться без надобности. Если обстоятельства складывались так, что он не мог ничего с ними поделать, он как-то приноравливался к ним, дожидаясь более благоприятного их стечения. Не прошло и минуты, как Конан уже мирно похрапывал.

Конн лег рядом с отцом, положив голову ему на плечо. Вскоре заснул и он.

Киммерийца разбудили тяжелые стоны, доносившиеся откуда-то из-за решетки. Он тут же пришел в себя и напрягся словно лесной зверь, внезапно почуявший добычу.

Осторожно убрав голову мальчика со своего плеча, он поднялся и бесшумно подошел к двери. Вновь раздались полные отчаяния стоны. На этот раз от их звука проснулся и Конн. Мальчик лежал, боясь шелохнуться, - он понимал, что вести себя следует тихо.

Прямо напротив них находилась камера, к дальней стене которой был прикован огромный негр. Нагое тело его было покрыто глубокими рубцами, оставленными плетью; широко раскинутые в стороны руки пленника придавали ему вид распятого на кресте.

Негр вновь тяжело застонал, мотая головой из стороны в сторону. В свете факела мелькнули белки его глаз. Насколько мог понять Конан, человек этот был близок к смерти.

- Почему они с тобой это сделали? - тихо спросил киммериец по-шемски и тут же повторил свой вопрос на языке страны Куш.

- Кто это? - раздался в ответ еле слышный голос.

- Такой же пленник, как ты. Я - Конан, король Аквилонии, - ответил киммериец, не видя в обмане никакого смысла.

- Я - Мбега, король Зимбабве, - прозвучало в ответ.

7. ИСТОРИЯ ДВУХ КОРОЛЕЙ

Негр был замучен до полусмерти, однако Конану каким-то чудом удалось разговорить его, и тогда тот поведал ему свою историю.

Черные воины Зимбабве, судя по всему, были потомками народа кчака, изгнанного со своих земель соседями и рассеявшегося впоследствии по всему черному континенту. Зимбабвийская ветвь кчака, отправившаяся на восток, обнаружила в джунглях развалины древнего города. Поселение решено было устроить именно здесь. Племена, жившие по соседству, считали эти места проклятыми и потому избегали их. Поселенцы чувствовали себя здесь в полной безопасности и вскоре выстроили на древних развалинах новый город, получивший название Зимбабве.

Единственными их врагами были драконы, прилетавшие сюда с гор, лежавших на Востоке. Отважный вождь народа Зимбабве смог выкрасть из гнездовья этих крылатых ящеров несколько огромных яиц. Оказалось, что драконы легко приручаются, и вскоре они уже заменили зимбабвийцам лошадей. Эти крылатые ящеры позволили племени существенно расширить границы своих владений, - именно тогда и возникло королевство Зимбабве.

У вождя, носившего имя Лубемба, был брат-близнец; отличить братьев друг от друга было совершенно невозможно. Лубемба сподобился откровения, в котором услышал о том, что отныне зимбабвийцами должны править близнецы. Он не мог нарушить волю богов и с той поры правил страной вместе с братом.

Закон этот соблюдался и впоследствии. Если один из пары правителей умирал, второй кончал с собой или навсегда покидал страну. Преемниками их становилась новая пара близнецов, выбиравшаяся жрецами и обычно не связанная кровными узами со своими предшественниками.

Все шло хорошо, пока на трон не взошли Ненаунир и Мбега. Ненаунир сошелся с колдунами, черное братство которых существовало вот уже три тысячи лет. Демон Сет, или Дамбалла, как его называли негры, соблазнил Ненаунира, обещав ему все богатства мира за то, что он, Ненаунир, покончив с культом племенных богов, заставит зимбабвийцев поклоняться Скользящему Богу - Великому Змею Сету.

Страна и народ раскололись надвое: одни сохраняли верность Мбеге и старым богам, другие же приняли сторону Великого Сета и его земного наместника Ненаунира. Большая часть вождей и воинов приняла новую веру. Вот-вот должна была начаться страшная братоубийственная война. Не желая раздела страны и кровопролития, Мбега отказался от трона в пользу своего брата Ненаунира. Сторонники его стали подвергаться жесточайшим преследованиям, - Ненаунир не щадил никого.

И тогда Мбега с горсткой верных ему людей взбунтовался. Бунт этот был слишком уж запоздалым, - к этому времени силы были явно неравными. Войско Мбеги было разбито наголову, сам же он попал в плен.

Перед Ненауниром встала неразрешимая проблема. Казнить своего брата ему ничего не стоило, но тогда в соответствии с законом ему пришлось бы лишить жизни и себя самого или навеки оставить свои владения. Ненаунир знал о том, что многие зимбабвийцы сочувственно относятся к его брату и свято чтут древние законы, - отступи он от них, они тут же низвергли бы его с трона. Он и так еле держал их в узде, ибо Дамбалла требовал все новых и новых жертв, что вызывало всеобщее недовольство.

Он решил пожизненно заточить Мбегу в темницу и выставлял его на всеобщее обозрение лишь во время дворцовых церемоний. Решение это было мудрым, ибо, сделав Мбегу заложником, Ненаунир покончил и с мятежниками.

Брата своего он люто ненавидел. Во время последнего королевского выхода Мбега должен был публично покаяться и призвать к тому же своих людей. Однако вместо этого он на виду у

всех плюнул в лицо Ненауниру. Теперь же его денно и нощно истязали.

Пока жизни Мбеги ничто не угрожало, - Ненаунир был не настолько силен, чтобы нарушить идущие от века законы предков. Искалечить его тоже не могли, ибо, в согласии с теми же законами, короли могли появляться пред своим народом лишь вместе и скрыть это было бы невозможно.

Негр закончил свой рассказ. Глаза его пылали гневом. Теперь он походил на могучего бесстрашного гладиатора.

- Скажи мне, Мбега, - много ли у тебя осталось сторонников? - спросил киммериец. Черный король кивнул.

- Мои люди остались верны мне. От Ненаунира же многие отвернулись, - он слишком жесток, он нарушает законы наших предков, он умерщвляет наших людей на своем поганом капище. Если бы я смог бежать отсюда, за один час я собрал бы такую армию, пред которой не устояли бы и воины Ненаунира. Но

что толку болтать языком? Бежать отсюда невозможно...

- Поживем - увидим, - сказал в ответ Конан и загадочно улыбнулся.

8. КЛОАКА

Паллантид полз по заросшему высокими травами берегу реки. От земли исходило отвратительное зловоние. Извиваясь словно змея, аквилонский генерал пробирался к деревьям, под которыми укрылся граф Тросеро. Услышав шум, пуантенец обернулся. Лицо и седая борода его были перепачканы грязью. По лицу ручьями тек пот.

- На стенах стоят дозорные, - прошептал Тросеро. - У каждой башни по взводу солдат. Так просто их не возьмешь.

Задумчиво покусывая ус, Паллантид стал рассматривать крепостные стены. Осада такой крепости могла занять не один месяц. Нужны были и тараны, и лестницы, и катапульты-Свет солнца внезапно затмился огромной тенью. Генерал замер. Над головой его проплыла одна из тех крылатых тварей, что атакуют их на болоте. С той поры минуло уже десять дней. Дракон стал кружить над городом. На спине его сидел чернокожий воин. Паллантида едва не вытошнило от омерзения.

- Клянусь кровью Дагона! - проворчал он. - Если он с тварями этими смог совладать, то с людьми-то уж как-нибудь справится!

Подлетев к одной из высоких башен, дракон присел на ее край и тут же скрылся из виду.

- Так вот оно в чем дело! - отозвался Паллантид. - Мы должны думать не о них, а о наших короле и принце!

- А ты уверен, что они здесь?

- Клянусь когтями Нергала, - это так же точно, как то, что у меня есть задница! - сердито прошипел генерал. - Ненаунир - единственный союзник Тот-Амона. Ты думаешь почему эти твари утащили именно короля и принца? А-а... Вот то-то и оно!

- Как ты думаешь - живы ли они?

- Пока мы не окажемся за этой стеной, этого мы не узнаем.

Тросеро вздохнул.

- Не знаю как тебе, а мне эти стены кажутся неприступными.

- Для войска - да, но для человека - нет. Тросеро удивленно посмотрел на генерала.

- У тебя что, - есть какой-то план? Генерал почесал бороду.

- Ты помнишь этого зингарского вельможу Мурзио?

- Этого тщедушного прохиндея? Еще бы мне его не помнить!

- Так-то оно так, - прохиндей он конечно изрядный, - но не забывай и о том, что королю нашему он служит верой и правдой, да и фехтовальщик он отменный! Я и сам понимаю, что

никакой он не дворянин, но это дела не меняет. Конан помнит о том, что сделал для него отец Мурзио в ту пору, когда наш король еще был пиратом, и потому он благоволит к нему. Помнишь, года три назад Конан принимал во дворце своего старинного приятеля Нинуса?

- Ты говоришь о монашке? Конечно помню! У короля нашего друга право слово странные! Этот же будет похлеще всех прочих!

Паллантид усмехнулся.

- Что верно, то верно! Днем он ходил по дворцу важный как патриарх, ночами же таскался по борделям и питейным лавкам! Так знай же, - Нинус и Мурзио воры, каких поискать. Конан решил сделать из Мурзио шпиона и попросил Нинуса о том, чтобы тот научил своего сына всяким там воровским штучкам. В науке этой Мурзио преуспел настолько, что едва ли не превзошел своего учителя. Когда Конан отослал его в Шем, Мурзио как-то смог проведать о заговоре, готовившемся офирским королем и несколькими шемскими царьками. Более того, он смог похитить документы, избличавшие заговорщиков!

За это Конан даровал ему рыцарское звание. Так что Мурзио благодарен ему теперь по гроб жизни и ради короля своего пойдет на что угодно.

- Ну а теперь объясни мне - какое отношение имеет Мурзио к Старому Зимбабве? Сощурив брови, Паллантид прошептал:

- Одни из ворот этой крепости не охраняются, - я говорю о сточных трубах.

- Сточных трубах?! Да ты никак рехнулся! На кой черт сточные трубы этим варварам?

- Им-то они конечно ни к чему. Но ты забываешь о том, что крепость строилась не ими. Видишь решетку на южной стене? А видишь, что оттуда течет?

- Ты, похоже, прав...

- Думаю, сюда стекают нечистоты со всего Зимбабве. Скорее всего сеть подобных труб проходит подо всем городом. Негры вряд ли додумались бы до этого, - похоже, над системой этой трудились прежние обитатели города. Теперь скажи мне, - кто кроме Мурзио сможет пролезть между этими прутьями? Правильно, - никто. Он же сделает это в два счета.

Тросеро почесал свою позеленевшую от ила бородку и задумчиво произнес:

- Кажется, я начинаю тебя понимать. Он эдаким червем заберется внутрь, перережет охрану и откроет пред нами городские врата. Я тебя правильно понял?

- Ну конечно, граф! Что мне особенно здесь нравится, так это сточные трубы! При одной мысли о том, что этот разборчивый длинноносый зингарец перепачкается в дерьме с ног до головы, у меня голова кругом начинает идти! Уж кого не люблю, так это зингарцев, особенно с той поры, как застал свою жену в объятиях зингарского трубадура! Вернее, бывшую жену-Тросеро ухмыльнулся.

- Ну что ж, тогда вернемся в лагерь и известим благородного Мурзио о том, что волею судеб ему суждено стать спасителем короля!

- Только смотри, - об этом я скажу ему сам!

Через несколько часов, когда стены и башни Зимбабве уже объяли вечерние сумерки, из леса вышел человек. Бесшумно переплыв через реку, он пошел вверх по зловонному ручейку, вытекавшему из трубы. Добравшись до решетки, он на миг замер, но тут же скрылся из виду, исчезнув в трубе.

Трудно было сказать, благородная ли кровь текла в жилах Мурзио, но единожды присягнув на верность королю, он готов был служить ему до самого конца.

9. АЛАЯ ЛУНА

Улицы Древнего Зимбабве осветились призрачным лунным светом. Город не спал, ибо настала Ночь Алой Луны. Дождавшись зловещего преображения ночного светила, король Ненаунир должен был приступить к призыванию своего страшного бога, алтарь которого был

обагрены кровью сотен жертв.

Факельная процессия шествовала по узким улочкам старого города. Гремели барабаны. Звучали странные песнопения.

Опустив голову, Конан мерил камеру шагами. Принц Конн задумчиво смотрел на своего отца. Он тоже вел счет дням и ночам, проведенным ими в застенке. Стигийское воинство погибло в ночь новолуния. С той поры прошло почти полтора месяца или, если быть точным, сорок один день. Настала ночь полнолуния. Рассчитывать фазы Луны Конна научили его наставники, хорошо понимавшие, что будущему королю знать такие вещи просто необходимо. Отец же говорил ему о том, что лунные затмения могут происходить лишь в такие ночи.

Этой ночью их должны были принести в жертву Дамбалле.

Гром барабанов был слышен даже в камере. Где-то над головами пленников тысячи последователей Ненаунира распалили себя, готовясь к кровавому действию.

Конан то и дело подходил к решетке, пытаясь разогнуть ее прутья. От напряжения руки его стали дрожать, глаза налились кровью. Эти толстые, дюймовые прутья не смог бы разогнуть и сказочный великан, - строители темницы потрудились на славу.

И тут Конан увидел какую-то тень. Он замер и стал вглядываться во тьму. Прямо перед ним появилось лицо, - знакомое лицо.

- Мурзио, - неужели это ты? - прошептал Конан.

- Конечно я, мой господин, - ответил ему зингарец.

- Именем Крома, - скажи, - откуда ты взялся? Что с нашими людьми? Где они? И почему от тебя так скверно пахнет?

Зингарец устало улыбнулся и рассказал о том, как он попал в подземелье.

- Трубы оказались столь узкими, - печально добавил он, - что мне пришлось ползти по ним. В нескольких местах они заканчивались колодцами, выходящими на городские улицы. Однако оказалось, что все эти колодцы охраняются. Я нашел вас, но не сумел выполнить приказа. Открыть городские ворота я так и не смог..

Конан на миг задумался.

- Может быть, не все еще потеряно, - наконец сказал он. - У тебя есть отмычка? Сейчас для нас главное - выйти из этой чертовой камеры.

Мурзио вынул из кармана кусок проволоки и принялся возиться с замком. На лбу у него выступили капельки пота. Слышно было только хриплое его дыхание и тихое поскрипывание замка.

Минута проходила за минутой, но замок никак не поддавался. Мурзио растерянно посмотрел на Конана.

- Мой господин! Его не смог бы открыть и сам Нинус! Похоже, он заговорен!

- Наверное, это действительно так, - согласился Конан. - Этот стигийский шакал обычным замкам не доверяет. Слушай, - попробуй-ка открыть соседнюю камеру! Там наш друг.

Мурзио стал колдовать над замком соседней камеры. Прикованный к стене негр бесстрастно наблюдал за происходящим. Неожиданно замок с лязгом открылся. Конан вздохнул с облегчением.

Мурзио вошел в камеру Мбеги и вскоре освободил черного короля от оков. Пошатываясь, Мбега вышел из камеры и стал растирать онемевшие члены.

Мурзио вновь стал биться над замком камеры Конана. Сам же Конан еще раз приложился к решетке, - на этот раз ему помогли Мбега и Конн. Решетка не поддалась и на этот раз.

- Ну у вас и камеры, - вытирая со лба пот, сказал киммериец. - Ну что ж, не можешь исправить - терпи.

- Но ведь тебя ждет смерть, - прохрипел Мбега. Конан усмехнулся,

- Со мной такое не впервой.

- Чем я могу помочь вам? - спросил Мурзио.

- Дай-ка мне свой кинжал. Эти варвары раздели меня почти донага, а вот сапоги зачем-то оставили. - Конан опустил длинный клинок в правый сапог.

- Ну а теперь помоги выбраться отсюда Мбега. Впрочем, может он и сам знает, где здесь выход... Мбега, - это твой последний шанс. Твои друзья должны открыть южные ворота до начала жертвоприношения.

Мурзио, - я не знаю, чем для меня закончится эта ночь, но я благодарю тебя. Ты отважный и преданный воин. Если мы доживем до утра, ты станешь бароном Кастрии. Удачи тебе! Пусть Митра и Кром всегда будут рядом с тобой!

Мурзио и Мбега скрылись во тьме. Конан хлопнул Конна по плечу.

- Не вешай носа, сын, - громко сказал он. - Такие, как Мбега, друзей не предают.

Послышалось шарканье босых ног. Наступал решающий час, что мог стать для них последним. Либо свершится месть Тот-Амона, либо падет царство Ненаунира, третьего не дано.

10. ВЕЛИКИЙ ЗМЕЙ

Стражники связали пленникам руки и повели их по бесконечным подземным коридорам. Они вышли прямо на городскую площадь, по одну сторону от которой стоял королевский дворец, а по другую - храм Дам-баллы. Серебристый диск полной луны сиял высоко в небе.

Вокруг площади стояли высокие каменные столбы, на которых были начертаны непонятные, неведомые Конану символы. Сказать, кому они принадлежали, зимбабвийским колдунам или их предшественникам, - было невозможно.

Перед храмом Дамбаллы высилась мрачная фигура каменного идола. Он был вырезан из черного базальта и высотой своей не уступал каменным столбам. Огромный черный конус в три человеческих роста высотой изображал свившегося кольцами змея. С вершины его на Конана смотрели красные змеиные глаза, выточенные из огромных рубинов, что поблескивали и переливались в свете факелов.

Конан едва заметно вздрогнул. Сет или Дамбалла с незапамятных времен был олицетворением зла и мрака. Киммериец стал бормотать молитву. Равнодушный киммерийский бог Кром редко вмешивался в дела людей и не требовал от них поклонения; но теперь, когда на Конана взирали налитые кровью глаза демона Адской Бездны, надеяться ему было больше не на кого.

Алтарь Дамбаллы походил на огромную чашу черного мрамора, стоявшую перед идолом. К чаше этой были прикреплены бронзовые кольца. Конана и Конна завели на ее дно и приковали их так, что они не могли отклониться ни в одну, ни в другую сторону.

Конан оценивающе посмотрел на наручники и цепи, - судя по всему, сделаны они были совсем недавно, - разорвать их было невозможно. Кольцам же, торчавшим из чаши, была уже не одна сотня лет, - они были проедены насквозь.

Заковав пленников, черные жрецы Сета покинули чашу. Установилась полная тишина; лишь ветерок посвистывал меж камней. Рубиновые глаза, холодно взиравшие на них, казались живыми.

На противоположной стороне площади стояли король Ненаунир и стигийский маг Тот-Амон. Черный владыка был одет в длинную пурпурную мантию. На лице его была маска змеи. В правой руке, поблескивавшей золотыми браслетами, он сжимал ритуальный посох со змеиной головой на верхушке.

Тысячи глаз взирали на небо, ни на мгновение не отрывая глаз от лунного диска. Толпа вдруг дружно ахнула. Взглянув на небо, Конан увидел, что на луну стала ложиться красноватая тень.

Неожиданно забили барабаны. Казалось, что это бьется огромное сердце страшного исполина. Глаза Великого Змея вспыхивали и гасли в такт его ударам. Красноватая тень становилась все больше. Церемония началась.

Конан потянул на себя свою правую руку. Тысячи чернокожих воинов бесстрастно наблюдали за ним. Мышцы его напряглись, однако кольцо никак не поддавалось. Он на мгновение расслабил руку и тут же резко дернул цепь на себя. Кольцо со звоном лопнуло.

За вторую цепь он схватился уже обеими руками. Сбравшись с силами, он резко рванул ее, и второе кольцо покатило по мраморной чаше. Теперь он был свободен.

Он стал озираться, ожидая, что черные воины нападут на него. Однако они смотрели на него все так же бесстрастно. Конан повернулся к своему сыну. Тень ползла все дальше, теперь ею был объят едва ли не весь лунный диск. Барабаны забили чаще. Забормотали тысячи голосов. Началось заклинание.

Конн вслед за отцом попытался освободить себя от оков, но сил его для этого было явно маловато. Конан бросился помогать сыну и в тот же миг почувствовал ледяное дуновение. Пот на его спине мгновенно заledenел.

Глазам киммерийца предстала странная картина. Часть лунного диска все еще была свободна от тени. Над площадью же происходило что-то немыслимое. С небес на него неслись клубы морозного тумана, сплетавшегося в кольца, уплотнявшиеся с каждым мгновением, - на него летел огромный извивающийся змей.

Ужас охватил Конана. Теперь он понимал и то, почему алтарь имел форму чаши, и то, почему жертвы должны были стоять прямо. Его тела коснулось ледяное кольцо вихря.

На Землю низошел сам Дамбалла.

11. ЛУНА, ЗАЛИТАЯ КРОВЬЮ

Не обращая внимания на смертельный холод, киммериец вырвал из мраморной чаши последнее кольцо, приковывавшее к алтарю его сына.

Кольца сходились вокруг него все плотнее. Они обволакивали его члены зыбкой густой пеленою; они сдавливали ему грудь, не давая дышать. Отчаянным усилием Конан заставил себя достать из сапога кинжал, и тут же погрузил его в полупризрачное тело змея.

- Отец! - вскричал Конн, увидевший вдруг демона, вызванного Ненауниром из бездн, лежащих по ту сторону мира.

- Беги, сынок! - едва смог выговорить Конан. - Попытайся открыть ворота!

Вновь и вновь киммериец погружал свой клинок в сгущавшееся тело. Демон же словно не замечал его ударов. Конан зашатался, - на плечи его легла чудовищная тяжесть. Над ним покачивалась огромная голова змея; алые холодные глаза пристально смотрели на него. Во взгляде их было что-то чудовищное, - пред Конаном раскрылись хладные бесконечные пространства, безмерная тоска и ненасытный вселенский голод. Конан содрогнулся. Вот уже миллион лет демон этот боролся с его расой, пытаясь вернуть ее в подвластную ему пучину.

Тело киммерийца начало стынуть. Теперь кольца были уже плотными, и тяжесть их была непомерной даже для него. Онемев, рука его разжалась, и кинжал со звоном упал в мраморную чашу.

Конан не сдавался; но теперь уже не плоть сражалась с плотью, а воля боролась с волей. Мир неожиданно преобразился, - Конану стало казаться, что его воля, душа и разум стали продолжением его тела.

Клинком воли он пытался поразить объявшее его тело тьмы.

Собственного тела он уже не чувствовал, хотя и понимал, что продолжает стоять на ногах. Сердце его билось все реже и реже, кровь в его жилах стыла, однако где-то внутри он был так же силен, как и прежде. Жизнь горела в нем неугасимым пламенем, затушить которое не мог и этот

всесильный демон.

Но силен и коварен был Великий Змей. Страх и сомнение были его оружием. Этим оружием Дамбулла уничтожал целые народы, обращая героев в изменников, а праведников в подлецов.

Этот ненасытный демон знал о том, что со временем он погубит землю и погасит солнце. Пока же он боролся с человеком. Пред ним, Пожирателем Миров, не могла устоять ни одна тварь.

Сознание Конана помрачилось, лишь воля к жизни заставляла его бороться с мороком, затягивавшим его все глубже и глубже в пучину, исполненную пустоты. Послышался громкий смех Ненаунира. Конан вздрогнул и ухнул в темную бездну.

12. СМЕРТЬ В НОЧИ

Внезапно смертельный холод, сжимавший в своих объятиях его тело, отступил. Исчезло и ощущение тяжести. Конан медленно приходил в себя. Он лежал в мраморной чаше, глядя на небо. Площадь была залита серебристым светом луны.

Киммериец попробовал подняться на ноги, но тут же упал. Он был еще слишком слаб. Он поднял голову, и глазам его предстала удивительная картина. В нескольких десятках метров от мраморной чаши лежало тело поверженного Ненаунира. Рядом с ним лежал кинжал Мурзио, которым Конан пытался поразить демона. Здесь же стоял и убийца колдуна, - насмерть перепуганные нефы держали его за руки.

Это был принц Конн, растрепанный и взъерошенный. Мальчик смотрел на своих стражей зверем. Он не послушался своего отца и не покинул площади, - вместо этого, схватив выроненный отцом кинжал, он понесся к торжествующему Ненауниру. Все присутствующие были слишком увлечены борьбой, происходившей в чаше, для того чтобы обращать внимание на мальчишку. Лишь Тот-Амон смотрел на него во все глаза.

Благоразумие боролось в нем с гордыней. Этого мгновенного замешательства стигийского мага было достаточно для того, чтобы Конн вонзил свой кинжал в черное сердце Ненаунира, земного наместника Дам-баллы. Истекая кровью, колдун рухнул наземь. Чары, удерживавшие на земле Дамбаллу, мгновенно распались, и Великий Змей вновь превратился в облачко тумана, выпустив Конана из своих объятий.

Схватившие Конна негры еще не успели решить, что же они должны сделать с убийцей их короля, когда вдруг на площади появилось грозно ревущее огромное воинство, окружившее послушников Дамбаллы со всех сторон. Люди Ненауири пытались скрыться бегством, но бежать им было уже некуда; они не могли и смешаться с рядами нападавших, ибо их выдавали головные уборы из перьев.

Над площадью запели трубы, Конан заулыбался, - в город вошли аквилонцы. Вскоре белые воины были уже на площади.

С крыши соседнего здания спускался отряд, состоявший из сотни отборных черных воинов. Командовал им сам Мбега. Люди Ненаунира, побросав оружие, пали наземь, моля короля о пощаде. Мбега носился по площади, пытаясь остановить ненужное кровопролитие.

К Конану подбежал его сын, тут же заключивший отца в объятия. Киммериец ласково потрепал его по плечу и, буркнув что-то невразумительное, стал искать взглядом Тот-Амона.

Стигийского мага нигде не было. И тут киммериец услышал хлопанье крыльев. С одной из башен Древнего Зимбабве слетел дракон, на спине которого сидел человек в зеленой мантии. Сделав круг над городом, крылатая тварь полетела на юг. Видел ее один только Конан. Король недоуменно нахмурил брови. Дальше к югу начинались непроходимые тропические леса, за которыми лежало море. Южный берег считался крайней оконечностью мира, - за ним ничего не было. Тот-Амон потерял своего последнего союзника и утратил расположение страшного своего бога. Бежать ему теперь было некуда.

Прежде Конан считал, что последняя его битва с магом состоится именно здесь, в стенах Древнего Зимбабве. Теперь же он понимал, что в последний раз они сойдутся на Краю Света.

Прижав к себе сына, разразившегося вдруг слезами, Конан выбрался из каменной чаши и, улыбаясь, стал ждать, когда к нему подойдут Паллантид и Тросеро.

Бои закончились еще до рассвета. Конан собственноручно одел на голову Мбеги королевскую корону и объявил его единственным законным правителем Зимбабве. Армии предстоял недолгий отдых, - она должна была собраться с силами для нового похода.

Конан широко улыбнулся, чувствуя, как к нему возвращаются былые силы. Видит Кром, - лучше жизни на свете ничего нет!

ТЕНИ КАМЕННОГО ЧЕРЕПА

1. СМЕРТЬ АСТРОЛОГА

Римуш, придворный предсказатель Зимбабве, бросил в тлеющие уголья сердце ибиса, запекающуюся бычьей кровью и раздвоенное жало змеи. Комната стала наполняться зеленоватым дымом.

В тусклом свете угольев лицо аквилонского короля походило на бронзовую маску, Мбега же казался древним истуканом, вырезанным из эбенового дерева.

Стояла почти полная тишина, слышалось лишь шипение и потрескивание угольев да бормотание сухопарого шемского чародея. Римуш был одет в выцветшую мантию астролога, расшитую таинственными знаками. Его недвижимое лицо с седой бородкой казалось мертвым, однако глаза его лихорадочно поблескивали и бегали из стороны в сторону.

Конан зашевелился. Магия и колдовство вызывали у него неприязнь. Вера его была проста, ибо суровый киммерийский бог Кром требовал от своих послушников только одного - бороться со злом и его слугами, полагаясь не на богов, но лишь на собственные силы.

- Пора кончать этот маскарад! - прорычал киммериец, обратившись к Мбеге. Дай мне своих воинов, и я найду Тот-Амона сам!

Огромный негр легко коснулся плеча Конана и кивком головы указал на старика-астролога. Тело предсказателя стало подергиваться, глаза его остекленели, уставившись в одну точку. От угольев повалили густые клубы зеленоватого дыма, сплетавшегося в прихотливые формы.

- Уже скоро, - прошептал Мбега.

Бессвязное бормотание сменилось внятным шепотом:

- На юг... На юг... Крылья в ночи... над огромным водопадом... теперь на восток, в страну, из которой не возвращаются... к горам великим... к Черепу Каменному...

Лицо прорицателя искривилось гримасой боли; на миг он замолк, но тут же заговорил вновь:

- Вы найдете его на краю света, в тех землях, которыми прежде правили змеи. - Астролог неожиданно дернулся и повалился на пол.

- Кром! - прошептал Конан, внутренне напрягшись. Мбега склонился над бездыханным стариком. Брови его нахмурились.

- Что случилось? - шепотом спросил Конан.

- Он мертв, - тихо ответил Мбега. - Его словно змея укусила.

Паллантид не желал и слушать своего господина, - впрочем, такое бывало с ним уже не раз. Отчаянно ругаясь, старый генерал поднялся со своего ложа. Левая его нога была перебинтована.

- Клянусь головой Нергала, мой господин, - я не отпущу вас в джунгли без взвода аквилонских солдат! Как вы можете доверять этим черным варварам? Они же вас живьем съедят, едва провиант закончится! Если уж я не смогу идти, то ехать-то верхом я в состоянии!

Положив свою тяжелую руку на плечо генералу, Конан силой усадил его обратно.

- Клянусь кровью Крома, дружище! Мне и самому все это не очень-то нравится, - проревел

он. - Но что есть, то есть, и чему быть, того не миновать! Мои аквилонцы и так уже вымотались вконец. Каждый второй ранен, прочие же мучаются лихорадкой. Я же ждать не могу. Король Мбега пообещал дать мне взвод своих воинов. С ними я и отправлюсь. Если я потеряю время, Тот-Амон сбежит в свою Стигию, если не отправится еще дальше - В Вендию или Кхитай. Ты и сам знаешь о том, что у этого старого колдуна сил еще хватает.

- Но послушайте меня, мой господин, - эти черные варвары...

- Они прекрасные воины, Паллантид! Кому как не тебе знать это! раздраженно перебил своего генерала Конан. - Я жил среди них, я сражался против них и с ними, пока они не назвали меня "черным королем с белой кожей". Отважнее их нет никого. Мой старый товарищ Юма играючи справился бы с тремя нашими лучшими воинами! Ты вспомни хотя бы об амазонках!

Паллантид что-то буркнул себе под нос, понимая, что с королем спорить бесполезно. За две недели до этого к стенам древнего Зимбабве подошли послы королевы Нзинги, пришедшие сюда для того, чтобы выразить новому королю свое почтение. Возглавляла отряд амазонок их принцесса - двадцатилетняя дочь королевы Нзинги. Эта огромная смуглая дева была хороша собой и изящна словно пантера. Она была на полголовы выше самого высокого аквилонца.

Паллантид знал о том, что лет двадцать тому назад, в бытность свою пиратом, Конан побывал в стране амазонок и сподобился ласк черной королевы. Судя по всему, принцессу он считал своей дочерью (кстати говоря, ее, так же как и мать, звали Нзингой).

Услышав о планах Конана, собиравшегося достигнуть южной оконечности мира, юная Нзинга вонзила к его ногам свое копьё и предложила себя ему в союзники. Конан тут же согласился.

Паллантид решил зайти с иной стороны.

- Мой господин, вы, похоже, забываете о том, что в этих краях никто не бывал. Может статься, что идти вам придется дольше, чем вы предполагаете. Даже сам Мбега понятия не имеет, где это.

Конан ухмыльнулся.

- Может быть, ты и прав, да вот только идти мы не собираемся! Мы полетим на драконах - я, Конн и воины Мбеги. Остальные же-я говорю об амазонках Нзинги и гвардейцах Мбеги, которыми будет командовать Тросеро, - отправятся вслед за нами пешком. Мы разведаем пути и найдем тот Каменный Череп, о котором говорил астролог; затем мы вернемся назад и уже вместе с войском нападём на эту последнюю твердыню мага - мы с воздуха, а войско - с земли! Паллантид стал нервно покусывать бороду.

- Но ведь вы не умеете управлять драконом! Конан вновь улыбнулся.

- Ничего, Паллантид, - я научусь. Мне доводилось ездить и на слонах, так что, думаю, и с драконом мне совладать удастся!

2. ПОЛЕТ ДРАКОНОВ

Вскоре Конан смог убедиться в правоте слов Паллантида. Огромные птеродактили, выдрессированные черными воинами, оказались куда более норовистыми, чем он предполагал. Они были непослушны, злобны и вдобавок ко всему глупы. Едва завидев на земле что-нибудь живое, они тут же забывали о своем седоке и начинали преследовать жертву. Помимо прочего, драконы ужасно смердели.

Конан презрительно фыркнул, когда улыбающиеся негры стали привязывать его к седлу и крепить над его таловой бамбуковую раму, стянутую кожаными ремнями. Однако именно это и позволило ему остаться в живых, когда во время первого же полета, дракон неожиданно спикировал вниз, устремившись за газелью.

К седлам зимбабвийцы "привязывали" тяжелые дубинки, сделанные из тикового дерева, с помощью которых они и понукали своевольными тварями, заставляя их слушаться своего

хозяина. Колотить дракона приходилось так часто, что у Конана даже разнылась рука. Куда проще ходить по земле, думал киммериец, ни на минуту не выпускавший дубину из рук.

Впрочем, все эти неудобства сполна возмещались, - драконы передвигались с такой скоростью, что за ними не смогло бы угнаться ни одно существо. Пока черные воины прокладывали путь по непролазным джунглям, летающие всадники разведывали для них путь. Однажды они заметили на земле отряд черных воинов, явно поджидавших пеших соратников

Конана. Стоило драконам атаковать их с воздуха, как они в ужасе бежали.

Через какое-то время джунгли сменились саваннами, и пеший отряд стал передвигаться куда быстрее. Однако даже теперь ему было далеко до драконов, что летали много быстрее самого лучшего скакуна. Конану доводилось слышать о том, что в этом краю лошади так и не смогли прижиться, - они тут же заболели какой-то болезнью и быстро издыхали.

Каждый новый день начинался с того, что Конан улетал далеко вперед, разведывая пути для своего войска; затем же он возвращался к амазонкам Нзинги и воинам Мбеги, что казались ему черными муравьями, медленно ползущими по земле. Тросеро не мог угнаться за своими воинами, и потому большую часть времени его несли на носилках дюжие зимбабвийцы.

Конан сгорал от нетерпения и то и дело раздражался громкой бранью, глядя на то, как медленно ползет по земле цепочка людей. Впрочем, он прекрасно понимал, что за людьми этими не смогли бы угнаться и его доблестные аквилонцы.

Тиран Ненаунир был свергнут в ночь полнолуния. Конан отправился вслед за Тот-Амоном далеко не сразу, - луна к этому времени уже превратилась в узкий серебристый серп.

С той поры миновало уже два новолуния. Луна была в первой четверти, когда Конан увидел на западе цепи высоких гор, заслонявших собой горизонт.

Под ним земля была изрезана множеством оврагов и балок. Среди сухих трав кое-где стояли одинокие мертвые деревца, покрывавшиеся листвой лишь в сезон дождей. Равнина сменилась холмами. Судя по тому, что сказал погибший таинственной смертью Римуш, скоро они должны были достигнуть огромного водопада.

Сердце киммерийца радостно забилося, когда, наконец, он увидел перед собой объятую туманом гору. Он подлетел поближе, и взору его предстал водопад. Бурная горная река падала с высоты лишь вдвое меньшей, чем та, на которой находился он сам.

Отряд Конана остался далеко позади, но он решил не возвращаться к нему, не осмотрев земель, лежавших к востоку, - именно о них говорил шемский астролог. Он должен был вернуться назад еще засветло.

Конан натянул поводья, и дракон послушно повернул налево. Принц Конн и люди Мбеги летели вслед за ним.

Конан обернулся и посмотрел на сына. Лицо мальчика светилось радостью, на губах его играла лучезарная улыбка. Конан довольно ухмыльнулся.

Нет, он не зря взял его с собой. Сначала эта война в стигийской пустыне, затем переход через джунгли, застенки Зимбабве и, наконец, это путешествие на спинах крылатых драконов. Вряд ли всему этому его смогли бы научить книги и ученые наставники. Достойного преемника можно было воспитать только так.

Вскоре холмы сменились широкими плато, над которыми возвышались отровершие вершины. Видимо, это и была та Страна, Откуда Нет Возврата, о которой говорил старый Римуш. Конан решил перелететь через ближайшую горную цепь и найти перевал, который был бы доступен его пешим воинам, и только затем вернуться назад. Солнце уже клонилось к горизонту; времени у них оставалось немного.

Слева от него зашумели крылья. Конан повернулся и увидел, что теперь Конн летит вровень с ним. Лицо мальчика горело от возбуждения, он указывал рукой на запад.

Конан перевел свой взгляд туда же и увидел вдали белоснежную гору, на одном из склонов которой было вырезано нечто, отдаленно напомилавшее человеческий череп.

Конану тут же стало не по себе, - варварская его душа страшилась подобных зрелищ, предпочитая им реальность самую что ни на есть обыденную. Это и был тот Каменный Череп, о котором говорил Римуш!

Конан, прищурившись, стал разглядывать это чудовищное изваяние. Земля пред ним была мертва и пустынна. Над черной пастью портала были вырезаны зубы. Еще выше пустыми глазницами чернели два огромных круглых проема. Выглядело это изваяние жутко.

И тут стало происходить что-то ужасное!

Тело Конана неожиданно обмякло. Чувства его притупились, в сердце сковало странную тяжестью. Казалось, что он вдруг попал в гибельное облако, напитанное смертельным ядом.

Та же странная сила овладела и его драконом, - слегка покачиваясь, он стал стремительно терять высоту, не в силах воспротивиться неведомой воле...

3. СТРАНА ИЛЛЮЗИЙ

Конан дернул поводья так, что едва не вывернул дракону челюсть. Тот ответил вялым движением крыльев, однако И этого было достаточно для того, чтобы падение сменилось достаточно плавным спуском.

Сонная рептилия шумно уселась на землю. Конан торопливо распустил ремни, пристегивавшие его к седлу, и, спрыгнув наземь, затряс головой, пытаясь разогнать невесть откуда взявшуюся сонливость. "Да, - подумал он. - Похоже, мы действительно попали в ядовитое облако".

Он задрал голову вверх. Со спутниками его происходило то же самое. Один за другим они стали быстро спускаться вниз. Первые летел дракон Конна. Мальчик безвольно болтался в седле, лицо его заливала смертельная бледность.

Теперь киммериец испугался уже не на шутку. Обливаясь холодным потом, он промышчал что-то нечленораздельное и зачем-то погрозил кулаком небу.

И тут мальчик пришел в себя. Он приоткрыл глаза и удивленно посмотрел на стремительно приближающуюся землю. Из всех сил он потянул за поводья, и задремавший было дракон проснулся и, развернув крылья, неловко, но достаточно мягко приземлился рядом со своим собратом.

Конан облегченно вздохнул. Подбежав к сыну, он помог расстегнуть ему ремни, вынул мальчика из седла и тут же заключил его в объятия.

Удача сопутствовала далеко не всем. Двум воинам Мбеги так и не суждено было проснуться, - драконы их словно камни рухнули на голую землю. К счастью, всем остальным все же удалось благополучно посадить своих крылатых ящеров.

Конану неожиданно стало казаться, что с ними происходит что-то донельзя странное. Конн, тоже чувствовавший себя не в своей тарелке, изумленно ахнул и стал протирать глаза.

Сверху равнина перед Каменным Черепом казалась совершенно мертвой. Теперь же они стояли среди пышных трав, доходивших им до колена. На лугу, пестревшем яркими цветами, безмятежно паслось стадо длиннорогих антилоп. Поодаль, там же, где и прежде, белела каменная громада. Однако теперь и камень этот казался другим, - на месте огромного черепа стоял великолепный белоснежный дворец. Тонкие пилястры поддерживали широкий архитрав, покрытый лепными изображениями нимф, сатиров и многоголовых богов. Выступавший вперед тенистый портик заканчивался высоким порталом, ведущим во дворец.

Конана стали мучить сомнения, - он никак не мог понять, что же было иллюзией - каменный череп, который они видели сверху, или этот блистательный дворец, у стен которого они теперь стояли. Быть может, иллюзия эта тоже была вызвана гибельным газом?

За его спиной воины Мбеги один за другим покидали свои седла и спускались на землю.

Конан недоверчиво коснулся рукой травы и глубоко вздохнул. Воздух был наполнен ароматом цветов и запахом свежей травы.

Он вновь посмотрел на дворец. В лучах заходящего солнца беломраморный фасад порозовел. Каждая деталь была видна четко, то здесь, то там поблескивали кварцевые прожилки.

Он пожал плечами. Либо на них действительно влияют ядовитые испарения, порождающие все то, что они видят вокруг, либо видение их только сейчас прояснилось, и они смогли узреть то, что существует реально... Впрочем, ломать себе над этим голову можно было до бесконечности. Конан же привык разрешать все проблемы практически.

Едва он шагнул вперед, как позади раздалось:

"Ангалиа!" Это кричал Мквава, командовавший черными гвардейцами. Воины взяли копья наизготовку.

От дворца к ним направлялось несколько женщин. Это были юные смуглые девы, в длинные косы которых были вплетены крохотные хрустальные колокольчики, источавшие нежнейшие звоны. Легкие накидки, сшитые из тончайшей ткани, не могли скрыть прелести их молодых упругих тел.

Мквава вопросительно посмотрел на Конана. Король нахмурился и пожал плечами.

- Наши бедные звери в себя еще не пришли, - наконец, сказал он. - Пусть они хоть немного отдохнут. Мы же тем временем попробуем узнать что-нибудь у этих дев, которых, я полагаю, бояться нечего. Половина людей пойдет вместе со мной, остальные же пусть охраняют наших драконов. Пошли кого-нибудь и назад, иначе, боюсь, наши люди нас потеряют.

Черный командир стал отдавать приказы. Конан, Конн и дюжина гвардейцев направились ко дворцу, стоявшему на склоне горы. Конан задумчиво крутил ус. Лицо его казалось совершенно безмятежным, однако, сомнения его так и не покидали. Кто знает, - быть может, все это - вражки происки? Конан никогда не страдал излишней подозрительностью, но он не привык и к тому, чтобы мир менялся в мгновение ока.

4. ЗОЛОТИСТОЕ ВИНО

Настал вечер. Вот уже третий день Конан и его спутники жили во дворце, который скорее был целым городком, вырубленным в скалах. Городок этот назывался Ян-Йога. Все это время королева Лилит готовилась к пиру, устраивавшемуся в честь почетных гостей. Пир должен был состояться этим вечером.

Празднество проходило в большой зале, стены и полы которой были выложены белыми мраморными плитами. Конана усадили на почетное место рядом с королевскими министрами и прочей придворной знатью. Сидевший на высоких, обшитых шелком подушках киммериец то и дело наполнял золотистым медовым вином свой кубок. Варвар чувствовал себя на удивление спокойно. Насытив себя изысканнейшими яствами, он услаждался холодным, слегка терпковатым вином, наполнявшим его сладкой истомой. В другом конце залы пировали его спутники.

Юный Конн в гордом одиночестве возлежал на мягких подушках, глядя на танцующих для него юных дев, чью наготу прикрывали лишь узкие полоски жемчужных ожерелий, надетых на чресла. Снисходительно улыбаясь, Конан наблюдал за сыном. Уже не за горами было то время, когда мальчик должен был стать мужчиной. Конан и сам был немногим старше его, когда он впервые познал женщину. Едва это произошло, от его киммерийского пуританства и следа не осталось. Именно тогда он и отправился в скитания...

Королева пещерного дворца Лилит сидела отдельно от всех. Ее трон стоял на помосте, вырезанном из оникса. За эти три дня Конан не единожды беседовал с нею, но, похоже, она

действительно не знала о том, что дворец ее может походить на череп. Слова Конана несказанно рассмешили ее. Подобные иллюзии, говорила она, в ее стране не редкость, - они вызываются ядовитым газом" выходящим из-под земли вместе с паром гейзеров.

Объяснение это Конана вполне удовлетворило, хотя сомнения его так и не рассеялись.

Услышал он от Лилит и рассказ о том, как она и ее подданные оказались в этом месте. Несколько веков тому назад могущественный царь Вендии, снарядив караван купеческих судов, отправил его в Иранистан. Поднявшаяся внезапно буря отнесла корабли далеко на юг и выбросила их на берег неподалеку от того места, в котором они сейчас находились. На берегу этом жило племя желтокожих людей. Векдийцам удалось покорить этот народец, и с той поры они распоряжались аборигенами как рабами. Купцы взяли в жены привезенных ими вендийских рабынь и решили остаться в этих землях навсегда. Именно они и их потомки вырезали в податливых известковых скалах прекрасную Ян-Йогу.

Конану дворец этот представлялся слишком уж роскошным, - пышности киммериец предпочитал строгость и простоту. Даже огромный тарантийский дворец, построенный его предшественником Нумедидом, казался ему слишком вычурным. Едва став королем, Конан приказал убрать из своих покоев все ковры и гобелены и застелить полы тростником, как это было принято в Киммерии.

Ян-Йога походила на дворцы, виденные им в молодости в восточных землях, в Аграпуре, где тогда царствовал Илдиз Туранский, в Шамбале, лежавшей за дикими гирканскими степями, в столице далекого Кхитая Кушане. Так же как и там, стены, двери и своды были покрыты затейливой резьбой. Конан вспомнил о том, как его пленили в таинственной Шамбале, Городе Черепов. Он предался внезапно нахлынувшим на него воспоминаньям, что уносили его все дальше и дальше...

Киммериец задремал. Заметив, что отец стал клевать носом, Конн поднялся со своего ложа и беззвучно покинул залу.

Ни он, ни его отец не заметили высокого человека в зеленой мантии, что наблюдал за происходящим, стоя за колонной. Человек этот постарел так, что узнать его было почти невозможно, однако Конан тут же признал бы в нем своего заклятого врага Тот-Амона.

Кони был молод и горяч, кровь ударила ему в голову. Он не мог отвести глаз от одной из танцовщиц, что была немногим старше его. Мальчика чаровали и ее нежное тело, и ее грациозные движения, и ее глаза, полные неги...

Едва закончился танец, она отбежала к дальней стенке и, встав спиной к колонне, стала смотреть в его сторону. Заметив, что Конн не сводит с нее глаз, она томно облизнулась и погладила себя по чреслам.

Сердце Конна готово было выскочить из груди. Теперь или никогда, решил принц и, поднявшись со своего ложа, отправился вслед за юной девой.

Нельзя было сказать, что никогда прежде женщины не трогали его. Служанки принца то и дело пытались завладеть его вниманием и, надо сказать, им это обычно удавалось. Мальчик отвечал на их поцелуи, чувствуя, что от него хотят чего-то большего, он неуклюже пытался ласкать их, но они выскальзывали из его объятий и, смеясь, убегали... "Но должен же я когда-то стать мужчиной!" думал Конн, пересекая залу.

Дева так и стояла у колонны. Руки его обвили ее нежную талию, но она вдруг засмеялась и отстранила его от себя.

- Не здесь, - зашептала она. - Ты забываешь о королеве...

- Но где же? - прошептал принц.

- Идем...

Взяв Конна за руку, дева вывела его из залы и повела по сумеречным коридорам,

направляясь к дальним покоям дворца. Мальчик, забыв обо всем на свете, покорно шел за ней.

Один за другим пирующие покидали залу. Вскоре в ней остался лишь Конан, мирно дремавший на своем мягком ложе. Белый мраморный пол был залит золотистым, вином, здесь же валялся выскользнувший из руки киммерийца огромный рог буйвола.

Зала наполнилась смуглыми слугами. Они бесшумно скользили по полу, подбирая оставленные черными воинами копья, топоры и дубины. Подойдя к спящему киммерийцу, они вынули из ножен его огромный меч и острый, как бритва, кинжал.

Королева Лилит, улыбаясь, наблюдала за своими слугами. Время от времени она отдавала им приказы, но говорила она теперь совсем на другом языке, походившем скорее не на человеческую речь, а на змеиное шипение.

Лилит спустилась с помоста и, легко ступая, подошла к мирно похрапывающему Конану. Она взяла у слуги острый аквилонский кинжал и, посмотрев на киммерийца, усмехнулась, лишней раз поразившись его доверчивости.

Взяв кинжал поудобнее, Лилит занесла руку для удара, метя Конану в сердце.

5. ДЕТИ ЗМЕЯ

В комнате стоял полумрак. Конн прикрыл дверь и стал осыпать горячими поцелуями шею и плечи красавицы. Дева легла на широкий диван, покрытый шелковым покрывалом, и рукой поманила его к себе.

Принц сбросил с себя перевязь и принялся расстегивать ремни своей кирасы. Латы его были отполированы до зеркального блеска. Они были малы ему и слегка давили в боках, но это было не удивительно, - королевские оружейники ковали их год назад, и за это время он уже успел подрасти. Это были его первые настоящие доспехи. Мальчик гордился ими и едва ли не ежедневно начищал их до блеска.

Нагая дева стала тихонько постанывать. Конн, наконец-таки, покончил с ремнями и снял кирасу с груди. Осторожно, боясь поцарапать или помять ее блестящую серебристую поверхность, он опустил ее на пол.

И тут на полированной поверхности своих доспехов он увидел отражение девы. Лишь теперь ему предстал ее подлинный облик.

Тело ее было человеческим, хотя оно и сильно отличалось от того прекрасного девичьего тела, которое представало ему до этого. Голова же у этого тела была змеиной! Он ясно видел холодные змеиные глаза, щерящуюся пасть, усыпанную острыми как иглы зубами, и трепещущее раздвоенное жало.

Конн не раздумывал ни секунды. Одного взгляда на эти бездушные глаза было достаточно для того, чтобы в нем проснулся идущий от века инстинкт.

Мальчик прыгнул к кушетке, на которой лежала его перевязь, и выхватил из ножен стальной клинок. Побелевший от ужаса Конн вонзил его в змеиную грудь.

Из раны хлынула темная кровь, мальчик же все рубил и рубил бьющееся в агонии тело.

Змееголовую деву убить было не просто. Она стала метаться по дивану, пытаясь уйти от смертельных ударов. На человека она походила все меньше и меньше - теперь уже не теплая человеческая кожа, но хладная блестящая кожа змеи покрывала ее. Конн отвел глаза в сторону и нанес последний удар. Тяжело дыша, он бросил клинок на пол и, пошатываясь, подошел к стене. Его стало тошнить.

Ему тут же стало легче. Сознание его прояснилось. Только теперь он понял, что же происходило с ними все это время. Зачаровав людей, девы-змеи развели их по разным углам, чтобы покончить с ними. Стоило людям попасть в их объятья, как змеи впивались в них своими острыми, налитыми ядом зубами. Люди же умирали, так ничего и не поняв.

Быть может, лишь ему одному удалось спастись от их чар, что были не властны над

отраженьями. Призраки могли скрывать реальность, лишь наложившись на нее обманчивым покровом, что не мог отразиться поверхностью зеркала.

От ужаса у него закружилась голова. В древних мифах о змеином племени было сказано немало. Богом аквилонцев был Светоносный Митра, сумевший сразить Древнего Змея Света. Однако реальность, подлежавшая этой легенде, представилась Конну куда более страшной.

Не мечом всемогущего бога, но мечами обычных людей был повержен Змей Вечной Ночи. Они воевали с шипящими ордами Сета вот уже миллион лет. Появившись на Земле, люди тут же оказались во власти змей, но уже на заре истории первые герои стали поднимать свой народ на борьбу с адскими тварями. Долгой и трудной была эта борьба, страшной ценой доставались победы. И все же людям удалось победить.

Древние сказания говорили о том, что змеиное племя было вновь послано на землю всемогущим Сетом, омрачившим сознание людей настолько, что те перестали отличать змей от себя. Остановить новый натиск Змея смог только великий Кулл, правивший древним Валузийским царством, - увидев, что змеи живут в городах рядом с людьми, смешиваются с ними и порождают себе подобных, он повел против них решительную борьбу, которая закончилась его победой.

С той поры прошло уже столько времени, что даже легенды о змеином народе стали забываться. И тут вдруг оказалось, что змеиное племя еще живо. Оно затаилось в высоких горах на самом краю света.

Мальчик часто замигал. Из всех людей Земли об этом знал только он.

6. ЧЕЛОВЕК С ЛИЦОМ МЕРТВЕЦА

- Стой! - прогремело в зале. Кинжал застыл в паре дюймов от груди Конана. Королева Лилит обернулась и увидела перед собой сгорбленного старика, одетого в выцветшую зеленую мантию. Губы ее искривились злобой, обнажив белоснежные зубы и подрагивающий словно змеиное жало розовый язык.

- Кто здесь командует, стигиец? Ты или я? Тот-Амон не мигая смотрел в темные глаза королевы. Он стал стремительно стареть еще в Нептху, когда Конан уничтожил братство Черного Кольца. Тогда стигийцу едва удалось бежать, прибежищем он избрал Древний Зимбабве, которым правил последний его союзник боккор Ненаунир. Но недолгим был отдых Тот-Амона - киммериец, шедший за ним по пятам, уничтожил черного тирана, и ему, великому магу, вновь пришлось скрываться бегством. На земле Тот-Амон прожил уже не одну сотню лет, но лишь теперь годы стали брать свое, - каждое поражение все больше и больше отдаляло его от Великого Змея, лишая стигийца божественной поддержки. Тело его стало слабым и дряхлым, лицо посерело и покрылось густой сетью морщин. Взор его, однако, был исполнен прежней силы, да и голос не утратил своей мощи, что опиралась на незыблемую, твердую как камень волю стигийца.

Древние змеи, в логовище которых он теперь жил, были его последними союзниками. В течение нескольких веков он удерживал змей в Ян-Йоге, то подкупая, то околдовывая их. Они, так же как и он, поклонялись Великому Сету, но он не хотел делить с ними власть над миром, - Землей должен был повелевать только он. Среди людей союзников у него уже не было, и потому ему оставалось одно - искать помощи у змей. Не сострадание и не дружеские чувства двигали ими, когда они позволили ему остаться в их дворце, - подобные чувства им были неведомы, - с его помощью змеи надеялись восстановить свою власть над миром людей.

Над слугами Сета Тот-Амон был уже не властен, но упускать из своих рук Конана Аквилонского он не хотел.

- Он мой, Лилит, - угрюмо произнес стигиец. - Распоряжаться жизнью киммерийца могу только я.

Женщина-змея косо посмотрела на него и прошипела:

- Тебя, стигийский шакал, я вижу насквозь. Ты хочешь принести в жертву Отцу Сету сильнейшего из слуг Митры, чтобы вновь расположить к себе Великого Змея. Но и у меня есть виды на киммерийца...

Договорить она не смогла.

От сильнейшего удара в спину королева зашаталась. Из груди ее показался окровавленный бронзовый наконечник копья. Зашипев, Лилит рухнула на пол и забилась в предсмертной агонии. Подняв глаза, Тот-Амон увидел, что в зале появилось несколько огромных амазонок.

- Клянусь дубиной Мамаджамбо! - воскликнула принцесса Нзинга, пытаясь выдернуть свое копьё из корчащегося тела. - Мы пришли сюда вовремя!

В залу вбежали седобородый Тросеро и его черные воины. Едва завидев генерала, Нзинга закричала:

- Это место заколдованное! Издали скала эта казалась черепом, стоящим посередь мертвого поля, когда же мы подошли поближе, то оказалось, что идем мы не по камням, а по зеленому лугу, и не каменный череп перед нами, а прекрасный дворец! Я как увидела, что эта тварь хочет убить белого короля, тут же ее и прикончила. Теперь же я стою и думаю, - может быть, все это тоже неправда? Может быть, нам все это только кажется? Тут еще и старик какой-то...

- Да это же сам Тот-Амон! - изумленно воскликнул Тросеро.

- Вот уж никогда бы не подумала, - удивленно пробормотала амазонка и перевела взгляд на извивавшееся у ее ног тело со змеиной головой. А это что еще за чертовщина?

- Змея, которая умеет говорить, - еле слышно ответил ей внезапно побледневший Тросеро.

Схватившись за рукоять меча, принцесса сделала шаг назад.

- Как у тебя только язык повернулся, старик! Ты хочешь сказать, что они существуют на самом деле?

- Посмотри на нее повнимательнее, - тихо ответил аквилонец. - Смотри! Она меняется прямо на глазах!

Амазонка перевела взгляд на пол, но тут же зажмурилась. Ничего более омерзительного она еще не видела.

И тут из-за колонн раздалось шипение. В залу вползали десятки змей. Теперь внимание аквилонского генерала и амазонки было приковано только к ним.

Бой обещал быть жестоким и долгим. Сразив очередную змею, генерал окинул взглядом залу и остолбенел. Ни Конана, ни Тот-Амона в зале не было, - они как сквозь землю провалились.

7. НА КРАЮ СВЕТА

Конан неожиданно проснулся. Он пробуждался легко, словно кошка, почувствовавшая приближение врага. Эту способность он унаследовал от предков, и выручала она его уже не единожды.

Он лежал совершенно недвижно, пытаясь понять, где же он находится. Воздух пах морем, где-то совсем рядом шумели волны.

Он слегка приоткрыл глаза. Небо было усыпано мириадами звезд. Ярko сияла луна, и в свете ее хорошо были видны темные скалы и бесконечная ширь неведомого края. Казалось, что он лежит на самом краю света и созерцает океан вечности...

Конан резко вскочил на ноги и стал озираться. На скале, возвышавшейся над ним, стоял человек. В свете луны мантия его казалась серой. К своей костлявой груди он прижимал неведомый талисман, поблескивавший изумрудным светом.

- Мы снова встретились, киммерийский пес! - раздался голос Тот-Амона.

- Это наша последняя встреча, стигийский шакал! - проревел в ответ Конан.

Он не спешил нападать на стигийца, понимая, что голыми руками одолеть все сильного мага он не сможет. Конан был озадачен, - пока он спал, Тот-Амон мог убить его, но вместо этого маг почему-то приказал своим демонам перенести его на этот дикий берег.

Словно услышав его мысли, Тот-Амон тихо заговорил. Он говорил долго; голос его постепенно креп и в нем начинали звучать знакомые Конану властные нотки. Киммериец безмолвно внимал ему, сложив на груди Свои могучие руки.

- Богам было угодно, чтобы ты стал ловцом, а я твоей добычей. Ты охотился за мной по всему миру. Ты лишил меня союзников. Вместе с пьяным друидом ты уничтожил великое братство Черного Кольца. За год до этого ты смог повергнуть все сильную Белую Руку. В Зимбабве боги вновь были на твоей стороне. После этого идти мне было уже некуда.

Конан безмолвствовал. Маг вздохнул и продолжил:

- Здесь, на краю света, живут те, кто до прихода человека правили этим миром. Именно здесь находится последняя цитадель древнего змеиного племени. Появившись на Земле, люди тут же стали воевать со змеями и истребили бы их, если бы те не прибегли к магии, позволившей змеям скрыть от людей свой истинный облик. Твой предок Кулл-Завоеватель проведал об этом, и тогда змеиный народ был истреблен окончательно. И все же нескольким змеям удалось уцелеть.

Я давно знал о том, что они скрываются именно здесь, на краю света. Я знал и о том, что они все еще хранят надежду отвоевать у людей то, что, как они считают, должно принадлежать им по праву. Именно они даровали мне знание, позволившее мне стать наместником Сета на Западе. Я должен был низвергнуть всех ваших богов и вернуть в мир истинную веру. Место Митры, Иштар и Асуры должен был занять Великий Сет. Произойди это, и я стал бы правителем всего этого мира, мои учителя змеи этому уже не смогли бы помешать.

Все шло как нельзя лучше, пока не появился ты. Я до сих пор не понимаю того, как тебе удалось сорвать мои планы. Ты не жрец, не пророк и не волшебник. Ты всего-навсего грубый невежественный варвар, каким-то чудом оказавшийся на самом гребне судьбы. Впрочем, возможно, твои западные боги и не столь примитивны... Я не знаю, что за сила стоит за тобой, но тебе удалось не только лишить меня власти над миром, но и обратить меня, величайшего мага Земли, в жалкого беглеца...

Но не все еще потеряно! Я принесу твою бессмертную душу в жертву Великому Сету. Ты не представляешь себе, сколь грандиозна эта жертва! Великий Змей тут же вспомнит о своем преданном слуге и вернет ему свое расположение! И тогда я соберу змеиное воинство и пойду войной на презренное царство людей!

Конан взревел и, в два прыжка достигнув вершины скалы, схватил мага за горло. Они упали вниз, на плотный влажный песок.

Странной и страшной была эта битва воина Света и воина Тьмы. В эту минуту на Краю Света решалась судьба мира.

8. РЕКВИЕМ ПО ЧАРОДЕЮ

Бросок Конана застал стигийца врасплох. Тело его было старым и дряхлым, ответить силой на силу он уже не мог. Но у него было оружие совсем иного рода.

Едва пальцы киммерийца легли на его шею, маг легко коснулся лба Конана сверкающим камнем.

Лба киммерийца коснулось легкое прохладное дуновение, и тут же ледяная игла впилась ему в сердце. Он стал терять сознание, чувствуя, как коченеет его тело. Холодные волны тьмы увлекали его за собой. Эти черные беспросветные воды поглотили его тело и теперь боролись с его душой, кружившей во мгле таинственным вихрем.

Однако Конан так и не разжал своих рук, сошедшихся на шее его заклятого врага в мертвой хватке. Душа стигийца тоже покинула тело и погрузилась во тьму. Но борьба продолжалась и

здесь, пусть у противников уже и не было тел. Мир погрузился в серую дымку; где-то вверху кружили черные звезды, источавшие холодные флюиды.

Стигиец представлялся Конану туманным вихрем. Сам же он выглядел точно так же. У противников не было даже определенной формы и все же они как-то боролись друг с другом.

Здесь все решала некая неизъяснимая сила, которая лежала в самом основании человека и была его сутью, придававшей ему в проявленном мире ту или иную форму, делавшей его тем или иным.

Тот-Амон все наступал и наступал, разя хладом огненный вихрь киммерийца. Чем слабее становился Конан, тем сильнее становился он сам. Отчаянным усилием киммериец удерживал себя от полного развоплощения, ни на миг не выпуская мага из своих бесплотных объятий, - они все кружили и кружили по серому миру.

Конан вдруг почувствовал, что вражий вихрь распадается. Тот-Амон беззвучно закричал. Крик этот был исполнен отчаянья и муки. Вихрь его бесследно растаял, смешавшись с холодной серой дымкой.

Конан скользил по серому миру, с каждой минутой становясь все сильнее и сильнее. Он знал, что жизненной силы Тот-Амона больше не существует.

Через какое-то время он пришел в себя.

Он лежал на песчаном берегу у самой кромки безымянного моря. Рядом сидел его сын. Мальчик горько плакал. Обеими руками Конан сжимал шею мертвого стигийца. Поодаль лежал меч, по рукоять испачканный черной кровью. Этот меч он подарил Конну в день его тринадцатилетия. Именно на нем Белый Друид Дивиатрикс начертал Охранный Знак Владыки Света Митры-Крест Жизни!

Так закончилась Последняя Битва. Сорок лет Конан Киммерийский и Тот-Амон Стигийский преследовали друг друга по миру. Дуэль их наконец была закончена.

- Он тебя убил, отец! Я ударил его и вдруг смотрю - ты лежишь тихо-тихо и даже не дышишь, как будто ты умер! - всхлипывая, говорил ему мальчик.

Конан обнял его.

- Ты не ошибся, мой мальчик, - я стоял перед самыми Вратами Смерти. Но не мне, а другому суждено было войти в них! Смотри!

Он кивнул на мертвое тело стигийца. Оно на глазах у них превращалось в прах. Вскоре от него остался лишь голый череп, однако через пару минут и он превратился в мельчайшую пыль. На песке осталась лишь выцветшая зеленая мантия.

Конан поднял с песка талисман мага и зашвырнул его далеко в море.

- Вот и все, - сказал он. - Теперь эту штуку вряд ли кто-нибудь найдет!

9. МЕЧИ ПРОТИВ ТЕНЕЙ

- И тут эта дева превратилась в змееголовое чудовище. Если бы не моя кираса, я бы с тобой уже не разговаривал, - рассказывал Конану сын. - Я зарубил ее и побежал в залу, чтобы рассказать об этом тебе. Ты спал, а над тобой стояли Тот-Амон и королева. В этот же миг в залу вбежали амазонки, и принцесса тут же пронзила Лилит копьем. Я же продолжал стоять за колонной. Тот-Амон подозвал к себе слугу и вместе с ним потащил тебя к стене. Ох и странный это был слуга! Голова у него была рогатая, а здоров он был словно бык! Самым странным было то, что никто, кроме меня, их не видел, - стигиец людей словно околдовал!

В стене была потайная дверь, за которой начинался подземный ход, ведущий к берегу моря. Я видел, что в залу стали вползать змеи, но решил, что амазонки и воины Тросеро справятся с ними и без меня, и поспешил вслед за магом. Я вышел на берег, но сразу найти тебя не смог, - ты ведь помнишь, - там кругом скалы. Потом я увидел, что ты и маг лежите на песке. Мне даже показалось, что вы заснули...

Конан то и дело кивал, понимая, что мальчику надо выговориться. Они возвращались в Ян-Йогу. Мальчик быстро нашел вход в подземелье. Из-под земли доносились шум и лязг оружия - сражение все еще продолжалось.

Конан заулыбался. После потусторонних битв в мире, где и звезды черны, звон клинков казался ему сладчайшей музыкой.

Где-то там Нзинга и Тросеро сражались со змеиным племенем. Воинов под их началом было немного, но зато это были настоящие воины! Змеи же, проводшие в этих землях не одну сотню лет, должны были уже позабыть ратное дело, к тому же они лишились и своих предводителей, - вряд ли кто-либо из них мог сравниться с королевой или Тот-Амоном. Бой предстоял трудный и упорный, в этом сомнений не было, но Конан был даже счастлив сразиться с этими старыми как мир врагами человека. "С главным своим врагом я покончил, - подумал вдруг Конан. - Боюсь, теперь мне будет его не хватать..."

- Слушай, - а где же твой меч? - спросил он у сына.

- Я оставил его там, на берегу.

- Дай мне свой кинжал и беги назад, - я тебя здесь подожду.

Конан стал шарить рукой по земле и нащупал округлый булыжник размером с человеческую голову. Он поднял его с земли и, оценив на вес, остался им доволен. Им он будет проламывать этой нечисти головы.

Конан знал, что змей убивать непросто, - они живучи на удивление. Но и они смертны.

Через несколько минут к нему подошел Конн. В руке его поблескивал меч. Отец и сын вошли в темный тоннель и поспешили на помощь своим друзьям, что вели последний бой с древнейшими врагами человека.

notes
